

М. РОТБАРД

Великая
**депрессия
в Америке**

История (Социум)

Мюррей Ротбард

Великая депрессия в Америке

«Интермедиатор»

2000

УДК 38.124.4(73)«1929/1933»
ББК 63.3(7Сое)6

Ротбард М.

Великая депрессия в Америке / М. Ротбард — «Интермедиатор»,
2000 — (История (Социум))

ISBN 978-5-91603-703-6

Книга посвящена анализу причин самой страшной экономической катастрофы в истории США. Вначале автор кратко излагает теорию экономического цикла, с помощью которой будет анализировать исторические события (а также критикует некоторые альтернативные теории). Вторая часть посвящена инфляционному буму 1921—1929 гг., в ходе которого была подготовлена почва для фондового краха 1929 г. И наконец, в третьей части автор описывает экономическую политику, проводившуюся президентом США Гербертом Гувером после кризиса. Именно меры «борьбы» с кризисом, превратили неизбежный после любого искусственного бума краткосрочный экономический спад в глубочайшую депрессию с застойной массовой безработицей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 38.124.4(73)«1929/1933»

ББК 63.3(7Сое)6

ISBN 978-5-91603-703-6

© Ротбард М., 2000
© Интермедиатор, 2000

Содержание

От издателя	7
Предисловие к первому изданию	9
Предисловие ко второму изданию	15
Предисловие к третьему изданию	18
Предисловие к четвертому изданию	22
Часть первая	28
Глава 1	28
1.1. Экономические циклы и колебательные процессы в экономике	29
1.2. Проблема: концентрация ошибок	31
1.3. Объяснение: бум и депрессия	32
1.4. Вторичные свойства депрессии: дефляционное сжатие кредита	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мюррей Ротбард

Великая депрессия в Америке

Murray ROTH BARD

AMERICAS
GREAT DEPRESSION

LUDWIG VON MISES INSTITUTE

Перевод с английского под ред. Гр. Сапова

Электронное издание на основе печатного издания: Великая депрессия в Америке / М. Ротбард; пер. с англ. – 3-е изд. – Москва; Челябинск: Социум, 2019. – 522 с. – (История). – ISBN 978-5-91603-106-5. – Текст: непосредственный.

© 2000 by Ludwig von Mises Institute

© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2012

Мюррей Ротбард (1926–1995) – американский экономист, историк и философ. Преподавал в университетах Нью-Йорка, Лас-Вегаса, Оберна; 13 лет руководил академическими программами Института Мизеса (г. Оберн, шт. Алабама). В числе его главных сочинений «Man, Economy and State», «America's Great Depression», «An Austrian Perspective on the History of Economic Thought» (Vols 1–2). На русский язык переведены «Государство и деньги: как госу-

дарство захватило денежную сферу общества», «Показания против Федерального резерва», «История денежного обращения и банковского дела в США», «Власть и рынок: государство и экономика», «К новой свободе», «Этика свободы», «Тайна банковского дела».

Книга «Великая депрессия в Америке» посвящена анализу причин самой страшной экономической катастрофы в истории США. Вначале автор кратко излагает теорию экономического цикла, с помощью которой будет анализировать исторические события. Вторая часть посвящена инфляционному буму 1921–1929 гг., в ходе которого была подготовлена почва для фондового краха 1929 г. И наконец, в третьей части автор описывает экономическую политику, проводившуюся президентом США Гербертом Гувером после кризиса. Именно меры «борьбы» с кризисом, превратили неизбежный после любого искусственного бума краткосрочный экономический спад в глубочайшую депрессию с застойной массовой безработицей.

Логическим продолжением этой книги может служить изданное в этой серии сочинение Бертона Фолсома «Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию».

От издателя

Продолжает серию «История» книга одного из наиболее выдающихся и оригинальных американских экономистов XX в. Мюррея Ротбарда «Великая депрессия в Америке». Этот автор уже довольно хорошо знаком русскоязычному читателю, причем его работы, посвященные денежно-кредитным вопросам и другим, как их принято называть, «макроэкономическим» темам опубликованы в России уже довольно давно. Однако «Великая депрессия в Америке» занимает совершенно особое место как в творчестве самого Ротбарда, так и в экономической литературе в целом.

Наверное, не будет сильным преувеличением сказать, что выход этой книги сильно запоздал. Если бы русскоязычные читатели могли познакомиться с ней до начала нынешнего затяжного экономического и финансового кризиса в мировой экономике, многим из них, возможно, удалось бы избежать тех интеллектуальных тупиков, которые приобрели в последние годы большую популярность. В предисловии к первому изданию 1963 г. Ротбард писал: «Если современным бойцам от экономической политики, вооруженным инструментами денежной и налоговой политики, и толпам адептов стабилизации не удастся спасти капитализм от очередного сильного спада, эта многочисленная группа обратится за окончательным ответом к социализму. Для них следующая депрессия станет последним доказательством того, что даже реформированный и просвещенный капитализм не может обеспечить экономическое процветание». Хотя сегодня пока еще не модно открыто выдвигать социалистические лозунги, разговоры про то, что капитализм исчерпал себя, что нужно найти некий некапиталистический путь развития, что необходимо обуздать алчность воротил Уолл-стрит и т. п. получили широкое распространение после финансового кризиса 2007–2008 гг., – как и предполагал Ротбард. Современная антикапиталистическая риторика в значительной степени базируется на мифологической картине Великой депрессии 30-х годов XX в., с которой принято сравнивать нынешний кризис. И эта же мифологическая картина лежит в основе всей современной академической «макроэкономики».

Мифология Великой депрессии не только лежит в основе современного псевдонаучного экономического мейнстрима, но и оказывает сильнейшее воздействие на политические процессы и политическое мышление. Не случайно Новый курс Ф. Д. Рузвельта приводится в качестве образца экономической политики и российскими «охранителями», и российскими «либералами». Публично усомниться в разумности и благотворности рузвельтовской политики или в оригинальности такой политики, еще недавно означало записать себя в маргиналы и экстремисты, причем не только в Америке, но и в России.

Впрочем, времена меняются, и сомнения в благотворности действий властей пререклещущих и в истинности официальной пропаганды (пусть даже распространяемой умными людьми с профессорскими степенями) постепенно перестают служить поводом для игнорирования и маргинализации. Далеко не все люди готовы верить, что лучшим лечением от нынешнего кризиса является прием все большей дозы тех патентованных снадобий, которые к нему привели, – расширение государственного долга и бюджетного дефицита, эмиссия денег центральными банками, раздача бюджетных субсидий, новые изощренные методы государственного регулирования производства и т. п. Денежная и финансовая политика государств становится предметом все более пристального внимания общественности.

В этом контексте книга М. Ротбарда о Великой депрессии становится важнейшим интеллектуальным инструментом. Автор показывает на основе многочисленных исторических источников, что депрессия 30-х годов была следствием не слепой игры рыночных сил, а результатом, пусть и непреднамеренным, государственного регулирования, в первую очередь, в денежно-кредитной сфере. Более того, попытки разрешить возникшие проблемы с помощью

мер государственного вмешательства и государственного регулирования привели вовсе не к выходу из кризиса, а, наоборот, к превращению спада в затяжную депрессию, беспрецедентную по своей глубине и продолжительности. Автор развенчивает миф об оригинальности реформ Франклина Рузвельта, показывая, что, вопреки расхожим предрассудкам, они были логическим продолжением государственных мер Эдгара Гувера, уже приведших к тяжелейшим экономическим и социальным последствиям.

Печальная реальность состоит в том, что современные правительства перед лицом продолжающегося экономического кризиса избирают путь, в основном повторяющий рузвельтовский Новый курс. Затяжной характер кризиса является естественным следствием такой политики. Однако человек наделен разумом и свободой воли, которые дают ему возможность анализировать прошлые ошибки, пересматривать устоявшиеся представления и находить адекватные ответы на возникающие проблемы. Серьезный и непредвзятый анализ прошлого является здесь необходимым шагом. Надеемся, что книга М. Ротбарда поможет нам в этом.

Валентин ЗАВАДНИКОВ

Февраль 2012 г.

Предисловие к первому изданию

События 1929 г. стали для Америки огромным ударом. Шок, вызванный этими событиями, оказал гигантское воздействие на американскую общественно-политическую мысль. Причины этого воздействия кажутся понятными. Депрессии прошлого, когда цены резко падали, происходило сжатие кредита, убыточные проекты ликвидировались и возрастала безработица, длились в течение года или двух, после чего быстро наступало оздоровление экономики. Депрессия 1920–1921 гг. проходила по известному образцу, повторяя в общих чертах не только едва заслуживающие внимания депрессии 1899–1900 и 1910–1912 гг., но и такие болезненные, хотя и быстро преодоленные кризисы, как спад 1907–1908 гг. и 1819–1821 гг.¹ Однако Великая депрессия, начавшаяся в 1929 г., растянулась фактически на одиннадцать лет.

Помимо необычайной продолжительности депрессия 1929 г. оставила глубокий отпечаток на сознании американцев вследствие характерной для нее масштабной и продолжительной безработицы. Интенсивность падения цен и денежного сжатия того периода совсем нельзя назвать беспрецедентными, тогда как норма безработицы и ее продолжительность были чем-то небывалым и поразительным. Норма безработицы в Америке [доля безработных в общей численности рабочей силы], которая в периоды глубочайших экономических спадов прошлого редко достигала 10 %, на сей раз превысила 20 % (в 1931 г.) и до самого кануна Второй мировой войны оставалась на уровне, превышающем 15 %.

Если бы мы воспользовались общепринятыми методами датировки и регистрации экономических циклов, разработанными Национальным бюро экономических исследований (NBER), то, изучая и интерпретируя депрессию с их помощью, мы пошли бы по ложному пути. К сожалению, NBER почти сразу переключилось с изучения качественно отличных друг от друга периодов «процветания» и «депрессии», на анализ временных отрезков, которые являются всего лишь периодами роста и снижения статистических показателей. При определении дат начала и окончания периодов NBER выдергивает тот месяц, на который приходится пик (максимум) или спад (минимум) показателя, разбивая тем самым все отчетные данные на периоды роста и периоды снижения, в зависимости от достигнутых средних значений статистических показателей, не принимая во внимание ни их важность, ни интенсивность их изменения. Поэтому продолжительный бум 1920-х годов вряд ли может быть распознан на базе методики NBER, – вместо этого Бюро делает упор на не заслуживающие внимания «рецессии» 1923 и 1926 г. Далее, хотя мы можем согласиться с NBER и другими наблюдателями в том, что Великая депрессия достигла дна в 1932–1933 гг., мы не должны позволять искусственной статистической методологии скрывать от нас тот факт, что так называемый бум 1933–1937 гг. на самом деле имел место на фоне продолжающейся депрессии. Если норма безработицы по-прежнему превышает 15 %, то называть период 1933–1937 гг. периодом процветания является безрасудной глупостью. Перед нами все еще депрессия, хотя и менее интенсивная, чем в 1932 г.²

Наиболее важное воздействие, которое Великая депрессия оказала на общественно-политическую мысль в Америке, состояло во всеобщем принятии точки зрения, согласно которой вся вина должна быть возложена на капитализм свободной конкуренции, на капитализм без государственного вмешательства, иными словами, на капитализм *laissez faire*. Общее мнение, разделяемое и экономистами, и обычной публикой, сводится к тому, что в

---

¹ Депрессия 1873–1879 гг. представляет собой особый случай. Во-первых, тот спад был сглаженным, и во-вторых, он представлял собой по большей части процесс понижения цен, порожденный сжатием количества денег, которое знаменовало возврат к золотому стандарту, существовавшему до гражданской войны. О мягком характере той депрессии см.: O. Wells, "The Depression of 1873–1879," *Agricultural History* 11 (1937): 240.

² Даже если рассмотреть отдельно взятую и изолированную от остального периода фазу «спада» 1929–1933 гг., все равно придется признать его необычную продолжительность и глубину, в особенности по уровню безработицы.

1920-е годы в Америке имел место ничем не сдерживаемый капитализм и что трагедия депрессии убедительно показала, что старомодный порядок *laissez faire* больше не в состоянии функционировать. Он и в XIX в. неизменно порождал нестабильность и депрессии, но теперь дела пошли совсем плохо и положение стало совершенно нетерпимым. Для того чтобы стабилизировать экономику и сгладить волны экономического цикла, должно вмешаться государство. И до сего дня огромное количество народа почти непрерывно призывают капитализм к суду истории – разумеется, в качестве подсудимого. Если современным бойцам от экономической политики, вооруженным инструментами денежной и налоговой политики, и толпам адептов стабилизации не удастся спасти капитализм от очередного сильного спада, эта многочисленная группа обратится за окончательным ответом к социализму. Для них следующая депрессия станет последним доказательством того, что даже реформированный и просвещенный капитализм не может обеспечить экономическое процветание.

Однако более пристальный взгляд показывает, что эта реакция общества ни в коей мере не является самоочевидной. В действительности эта реакция базируется на неявном предположении, согласно которому экономические циклы вообще и экономические депрессии в частности сами по себе появляются из недр экономики свободного рынка или, что то же самое, капиталистической экономики. Если предположить, что экономические циклы эндогенно возникают на свободном рынке, то указанная выше общественная реакция покажется заслуживающей доверия. Но это неявное предположение представляет собой чистый миф, базирующийся не на истине, а на слепой вере. Одним из первых, кто провозгласил, что экономические циклы порождаются рыночным процессом, был Карл Маркс. В XX столетии, при всех возможных содержательных различиях между их теориями, почти все экономисты-теоретики, будь то последователи Митчелла, Кейнса, Маркса или кого-то еще, были убеждены в справедливости этой точки зрения. Их теории, объясняющие причины этого явления, могли противоречить друг другу, или, подобно последователям Митчелла, они могли вообще не иметь теорий, содержащих объяснение причин, но все они были убеждены в том, что экономический цикл возникает в недрах капиталистической системы.

Наряду с этой существует и иная экономико-теоретическая традиция, противостоящая вышеописанной. Сегодня она признается лишь немногими экономистами-теоретиками и почти никем из тех, кто принадлежит к широкой публике. Согласно этой точке зрения экономический цикл и депрессии возникают вследствие нарушений [хода рыночного процесса], которые генерируются на рынке внешним вмешательством в денежную сферу. Денежная теория цикла утверждает, что причиной бума и краха является кредитно-денежная экспансия, осуществляемая банковской системой. Впервые эта теория – в своей рудиментарной форме – встречается в работах тех классических английских экономистов начала XIX в., которые принадлежали к денежной школе. Впоследствии, в XX в., она была развита Людвигом фон Мизесом и его последователями. Несмотря на широкую популярность, которую денежная школа имела в начале XIX в. в Америке и Британии, ее положения были исключены из теории цикла и в ослабленном виде были встроены в другой раздел экономической теории, в теорию международной торговли. Сегодня денежная теория цикла, если она вообще признается, изображается как «упрощенная». Однако ни тот факт, что некая теория проста, ни то обстоятельство, что она выдвигает единственную причину, объясняющую то или иное явление, сами по себе не являются ее дефектами. Наука всегда ищет единую единственную причину сложных явлений, и ученые только рады, когда такую причину удастся установить. Если теория неверна, атаковать нужно именно это ее свойство, а не обвинять ее в «монокаузальности» или в том, что она оперирует причинами, лежащими вне свободного рынка. Помимо всего прочего может статься, что причина действительно является экзогенной по отношению к рынку! Единственным признаком, по которому нужно судить теорию, является корректность соответствующих теоретических суждений.

Настоящая работа явным образом опирается на теорию экономического цикла, разработанную Мизесом³. В первой части книги излагается теория и оспариваются некоторые общепринятые утверждения, которые ей противоречат. При этом собственно теоретические вопросы изложены достаточно бегло, – с полным изложением этой теории можно ознакомиться по другим работам⁴. Здесь также детально проанализированы следствия из этой теории, имеющие значение для экономической политики правительства, причем оказывается, что эти следствия решительно противоречат преобладающей точке зрения. Во второй и третьей части книги эта теория применяется для объяснения причин американской депрессии 1929 г. Замечу, что я не претендую на то, чтобы использовать исторические факты для «тестирования» истинности теории. Наоборот, я утверждаю, что экономические теории не могут «тестироваться» на исторических или статистических фактах. Исторические факты представляют собой сложные явления и в отличие от контролируемых и могущих рассматриваться изолированно «лабораторных фактов» естественных наук не могут использоваться для проверки истинности теории. Формирование исторических фактов всегда предполагает наличие многих причин, взаимодействующих между собой. Для изолирования и установления причинно-следственных цепочек пригодны только такие каузальные⁵ теории, которые предшествуют данным фактам⁶. Предположим, например, что в течение определенного периода растут цены на цинк. Нас может интересовать вопрос: почему они растут? Ответить на него можно только с использованием той или иной априорной каузальной теории, уже построенной до начала нашего исследования. Так, мы знаем, что цена могла вырасти вследствие действия одной из следующих причин или их комбинации: из-за увеличения спроса на цинк, из-за уменьшения его предложения, из-за общего увеличения предложения денег и проистекающего из этого увеличения денежного спроса на все товары вследствие снижения общего спроса на деньги. Каким образом мы понимаем, какая из этих частных теорий применима в данном конкретном случае? Только посредством наблюдения фактов и проверки, какая именно теория приложима. Но вопрос, применима теория к данному случаю или нет, вообще никак не связан с тем, истинна она или ложна. Установление того факта, что в интересующий нас период действительно произошло (или не произошло) уменьшение предложения цинка, не может ни подтвердить, ни опровергнуть утверждения о том, что уменьшение предложения цинка при прочих равных повысит цену. Таким образом, задача экономического историка состоит в том, чтобы адекватно использовать теорию из арсенала, который предоставляет ему экономист-теоретик. Единственным тестом для теории является проверка корректности ее предпосылок и правильности цепочек логического вывода⁷.

³ Каузальные теории (от *лат.* *causa* – причина) – теории, в явном виде содержащие причинно-следственное описание явлений, в отличие от функциональных теорий, оперирующих не понятием причин и следствий, имеющих направление («от причины к следствию»), а имитирующих физикалистский подход (явления связаны друг с другом функциональной связью, т. е. в для них задача установления порядка следования причинно-следственной цепочки не ставится). – *Прим. науч. ред.*

⁴ Разумеется, Людвиг фон Мизес не несет никакой ответственности за содержание данной книги.

⁵ См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005; *Он же*. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012; *Уэрта де Сото Х*. Деньги, банковский кредит и экономический цикл. Челябинск: Социум, 2008; Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007. См. также: Хаберлер Г. Процветание и депрессии. Челябинск: Социум, 2005; Фолсам Б. Новый курс или кривая дорожка. М.: Мысль, 2012. – *Прим. науч. ред.*

⁶ Это ни в коей мере не означает отрицания того, что конечные предпосылки экономической теории, например фундаментальная аксиома деятельности или предпосылка разнообразия типов ресурсов, выводятся из наблюдаемой реальности. Однако экономическая теория является априорной по отношению ко всем иным историческим фактам.

⁷ Эта методология, называемая праксеологической, противоречит преобладающим сегодня воззрениям. Изложение данного подхода и ссылки на литературу можно найти в статьях: Murray N. Rothbard, "In Defense of 'Extreme APriorism'," *Southern Economic Journal* (January, 1957): 214–220; idem, "Praxeology: Reply to Mr. Schuller," *American Economic Review* (December, 1951): 943–946; idem, "Toward A Reconstruction of Utility and Welfare Economics," in Mary Sennholz, ed., *On Freedom and Free Enterprise* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1956), pp. 224–262. Главными методологическими работами этой школы являются: Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949); Mises, *Theory and History* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957); F.A. Hayek, *The Counterrevolution of Science* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952); Lionel Robbins, *The*

Позитивисты, которые сегодня занимают доминирующие позиции в экономической теории, в своем стремлении имитировать физику склонны использовать ложные предпосылки, лишь бы они давали им возможность получать результаты, оказывающиеся верными по итогам тестов. С другой стороны, институционалисты, вечно ищущие все новые и новые факты, по сути, почти полностью отказались от теории. Оба эти направления являются ошибочными. Теория не может возникнуть, подобно фениксу, из горы статистических данных. Равным образом, статистические данные не могут служить в качестве теста для проверки истинности экономической теории. Эти же соображения применимы и для оценки результатов экономической политики. Правительство реализует ту или иную экономическую политику, следуя положениям некой экономической теории. Но депрессия не прекращается. Тогда сторонники и противники этой теории призывают на помощь искусство интерпретации. Противники этой теории утверждают, что провал экономической политики доказал ее ошибочность. Сторонники указывают на то, что ошибка правительства состояла в недостаточно решительном следовании данной теории, и призывают к более радикальным мерам, лежащим в том же направлении. Центральная проблема заключается в том, что *на базе изучения эмпирических фактов осуществить выбор между этими позициями невозможно*⁸. Каким образом правительство может принять рациональное решение по поводу своего следующего шага? Очевидно, единственный возможный способ здесь лежит в сфере чистой теории, – нужно исследовать конфликтующие предпосылки и проверить логические цепочки доводов.

Рассмотрение указанных методологических проблем проходит через всю книгу. При этом моей целью было дать описание американской депрессии 1929 г. и выявить ее причины. В мои намерения не входило написание полной экономической истории того времени, и поэтому у меня не было необходимости собирать и упорядочивать всю мыслимую экономическую статистику. Я концентрировался лишь на причинах, которые вначале вызвали депрессию, а затем усугубили ее течение. Я надеюсь, что это исследование в будущем окажется полезным экономическим историкам, когда они будут создавать обобщающие описания 1920—1930-х годов.

Тот факт, что исследование экономического цикла не может сводиться к простому изучению всей имеющейся экономической статистики соответствующей эпохи, обычно упускается из виду. Например, NBER смотрит на экономический цикл сквозь призму набора показателей обо всех видах экономической деятельности в определенный период. Опираясь на это априорное предположение (которое несколько противоречит презрительному отношению NBER к априорному теоретизированию), они изучают статистические показатели, характеризующие увеличение и уменьшение значений всех мыслимых временных рядов, которые они сумели сформировать.

Таким образом, исследования экономического цикла, осуществляемые NBER, по сути, являются статистической историей соответствующего периода. Подход Мизеса, или, как его иначе называют, австрийский подход, в отличие от типично институционалистской методологии NBER, предполагает совершенно иную исследовательскую процедуру. Она состоит в точном определении факторов, понимаемых как причины, в отслеживании причинно-след-

---

Nature and Significance of Economic Science (London: Macmillan, 1935), Mises, *Epistemological Problems of Economics* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1960); Mises, *The Ultimate Foundation of Economic Science* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1962). [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. *Он же*. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007; *Он же*. Эпистемологические проблемы экономической теории. Челябинск: Социум, 2013; *Он же*. Конечные основания экономической науки. Челябинск: Социум, 2013.]

⁸ Аналогично, если экономика начинает восстанавливаться, одни приписывают этот успех следованию той теории, которую они разделяют, тогда как их противники упирают на то, что восстановление началось несмотря на пагубное воздействие правительственной политики, основанной на критикуемой теории, и что это восстановление проходит более медленно и болезненно, чем это было бы в противном случае. Здесь опять возникает вопрос, каким образом может быть осуществлен выбор между этими оценками.

ственных цепочек и в вычленении специфических феноменов цикла из многообразия сложного мира всех вообще экономических явлений.

В качестве иллюстрации рассмотрим данные об американской экономике 1920-х годов. В действительности экономика той эпохи представляла собой комбинацию двух, во многом противоборствовавших сил. С одной стороны, Америка переживала период подлинного экономического процветания, в основе которого лежали высокие объемы сбережений и инвестирование в высокопроизводительный капитал. Уровень жизни в Америке повышался именно благодаря этому великому преимуществу. С другой стороны, мы переживали также период кредитной экспансии, которая привела к накоплению капитала в ошибочных инвестициях, что и повлекло за собой в конце концов неизбежный экономический кризис. Перед нами – две разновидности мощных экономических сил, одну из них большинство могли бы назвать «хорошей», а другую – «плохой». Каждая из них действует самостоятельно, но во взаимодействии с другой, что и порождает конечный исторический итог. Показатели цен, объемов производства и торговли отражают суммарные последствия взаимодействия этих сил. Стоит напомнить о той самодовольной беспечности, которую в период великого бума демонстрировали наши экономисты, а также финансовые и политические лидеры. Изучение ошибочных оценок, звучавших в ту пору, могло бы оказать отрезвляющее действие на новую поросль наших прорицателей от экономики, считающих, что будущее можно предсказать с большой точностью, т. е. с малой процентной ошибкой прогнозирования. В то же время не следует высмеивать тех апологетов капитализма, которые до 1929 г. воспевали достижения нашей экономической системы, поскольку, в той мере, в какой они опирались на непосредственные наблюдения того, как действует первая сила, они были правы, – первоначальное экономическое процветание порождается высокими объемами сбережений и инвестированием. Они ошибались в том, что упускали из виду последствия действия второй движущей силы той эпохи – пагубной силы кредитной экспансии. Настоящая книга фокусируется на тех аспектах экономики того периода, которые связаны с экономическим циклом, или, если угодно, – с проявлениями деструктивной силы.

Как и для большинства исторических исследований, пространственные ограничения (т. е. ограничения на объем книги) порождают ограничения временные (т. е. мы вынуждены ограничиться рассмотрением определенного периода). Материал, приводимый в книге, относится к 1921–1933 гг. Годы с 1921-го по 1929-й были периодом бума, который предшествовал Великой депрессии. Здесь мы находим причины, которые в конечном счете породили депрессию, но начали оказывать свое воздействие до 1929 г. Период 1929–1933 гг. образует фазу спада Великой депрессии, который и сам по себе отличается необычайной продолжительностью и глубиной. Здесь мы будем искать причины, усугубившие тяготы депрессии, что выразилось в более длительном и болезненном протекании кризиса.

Разумеется, всякое исчерпывающее исследование должно включать период 1933–1940 гг. Однако он более знаком нам и изучен в большей степени.

Время до 1921 г. также заслуживает внимания. Многие авторы усматривают корни Великой депрессии в инфляции времен Первой мировой войны и первых послевоенных лет, а также в том, что в период рецессии 1920–1921 гг., объемы ликвидации несостоятельных предприятий, по их мнению, были недостаточными. Но необходимый уровень ликвидации необязательно требует, чтобы сокращение количества денег и снижение уровня цен дошли до уровня, предшествующего буму. Таким образом, мы начнем рассматривать фазу цикла, приходящуюся на 1920–1921 гг., с осени 1921 г., вкратце разобрав то, как кредитная экспансия начала искажать производство (и возможно, не позволила довести до конца ликвидацию убыточных позиций, сформированных предыдущим бумом) применительно к такому раннему [по отношению к 1929 г.] моменту. Мы также сопоставим экономическую политику и относительную продолжительность депрессии периода 1920–1921 гг. с периодом 1929–1933 гг. При этом мы

не можем отступать глубже 1920–1921 гг. и не считаем необходимым выходить за пределы 1929–1933 гг.

Одним из главных мотивов, побудивших меня взяться за написание данной книги, стало примечательное исчезновение экономико-теоретических исследований депрессии 1929 г. Весьма мало книг этого направления посвящены изучению – с какой бы то ни было точки зрения – того, что произошло в 1929 г. Настоящая книга представляет собой попытку восполнить данный пробел путем осуществления детального исследования причин депрессии 1929 г. на базе корректной прaxeологической экономической теории⁹.

Мюррей Ротбард

---

⁹ Единственными по-настоящему ценными работами, посвященными депрессии 1929 г., являются следующие: Lionel Robbins, *The Great Depression* (New York: Macmillan, 1934), которая лишь весьма бегло затрагивает события в США. См. также: C. A. Phillips, T. F. McManus, R. W. Nelson, *Banking and the Business Cycle* (New York: Macmillan, 1937) и Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare* (New York: D. Van Nostrand, 1949), которая посвящена не одной только депрессии, а является скорее работой по экономической истории XX в. С другой стороны, сильно переоцененная книга Томаса Уилсона (Thomas Wilson, *Fluctuations in Income and Employment* [3rd ed., New York: Pitman, 1948]) почти полностью сводится к пересказу официальной интерпретации депрессии. Недавно вышла гладко написанная поверхностная книжка Джона Гэлбрейта, описывающая фондовый рынок накануне краха: John K. Galbraith, *The Great Crash, 1929* (Boston: Houghton Mifflin, 1955 [*Гэлбрейт Дж. К. Великий крах 1929 года*. Минск: Попурри, 2009]). За исключением очень кратких и маловразумительных исследований Сликтера, Шумпетера и Гордона, это почти все что есть. Имеется также много работ, в которых данный предмет затрагивается лишь по касательной, в частности работы о пресловутой «зрелой экономике» конца 1930-х годов. Депрессии и ФРС посвящена также следующая недавняя короткая статья: O. K. Burrell, “The Coming Crisis in External Convertibility in U.S. Gold,” *Commercial and Financial Chronicle* (April 23, 1959): 5, 52–53.

Предисловие ко второму изданию

За годы, прошедшие со времени выхода первого издания настоящей книги, факт существования такого явления, как экономический цикл, вновь проник в сознание экономистов. В течение всех 1960-х годов нам опять, как и в эпоху «Новой Эры» 1920-х, обещали упразднить экономический цикл с помощью кейнсианской и иной изощренной государственной экономической политики. Значительная и оставившая глубокий след рецессия, начавшаяся около ноября 1969 г., от последствий которой мы не избавились в момент, когда пишутся эти строки, стала целебным, хотя и болезненным напоминанием о том, что экономический цикл существует на самом деле и неплохо себя чувствует.

Одна черта нынешней рецессии, которая воспринимается как особенно неприятная и неожиданная, состоит в том, что цены потребительских благ продолжают быстро расти и во время спада. В условиях классического цикла во время рецессии, или депрессии, цены падают, и это падение цен представляет собой единственное преимущество, которое доступно потребителю в этот период всеобщего уныния. Однако сегодняшняя рецессия не содержит даже этого преимущества, так что потребитель испытывает на себе комбинированное воздействие худших свойств рецессии и инфляции.

Ни традиционная кейнсианская, ни современная монетаристская школы не предвидели этого феномена «инфляционного спада» и не смогли дать ему удовлетворительного объяснения. Лишь австрийская теория, на базе которой написана эта книга, не только объясняет что произошло, но и показывает, что такое явление есть общая, универсальная тенденция, присущая любой рецессии. Суть рецессии, согласно австрийской теории, состоит в корректировке экономики, которая необходима для ликвидации искажений, порожденных бумом, в особенности чрезмерным расширением отраслей и производств «более высоких» порядков, т. е. отраслей, производящих капитальные блага, с одной стороны, и недостаточным инвестированием в отраслях, производящих потребительские блага, — с другой. Одним из способов, которым рынок перенаправляет ресурсы от производства капитальных благ к производству потребительских благ, являются относительное понижение цен на первые блага и относительное повышение цен на вторые. Банкротства и снижение относительных цен и заработной платы в раздутых отраслях, производящих капитальные блага, за время бума обильно уснащенных ошибочными инвестиционными проектами, перенаправляют земельные, трудовые и капитальные ресурсы на производство потребительских благ, тем самым восстанавливая способность экономики эффективно откликаться на потребительский спрос, что является нормальным условием функционирования рыночной экономики, не испытывающей внешнего вмешательства.

Иначе говоря, в период рецессий цены потребительских благ всегда имеют тенденцию расти быстрее (или снижаться медленнее) цен на капитальные блага. Причиной, по которой это явление оставалось незамеченным, состоит в том, что во время предыдущих рецессий имело место общее снижение цен. Если цены потребительских благ падают, к примеру, на 10 %, а цены на цемент падают на 20 %, то никто не будет волноваться по поводу «инфляции во время спада». На самом деле, однако, и в этом случае цены потребительских благ выросли относительно цен на производственные блага. Общий уровень цен в период рецессий падал потому, что денежная и банковская дефляция была неотъемлемым спутником процесса экономического сжатия. Однако в последние несколько десятилетий денежная дефляция жестко блокировалась государственной политикой расширения кредита и увеличения банковских резервов, и память о таком явлении, как фактическое сокращение денежного предложения, в лучшем случае сильно потускнела. Однако результатом политики упразднения дефляции стало то, что общий уровень цен теперь вообще никогда не падает, даже во время рецессий. Следовательно,

процесс коррекции соотношения между капитальными и потребительскими благами, который должен иметь место в период рецессий, теперь должен протекать в отсутствие благотворной дефляции. Следовательно, цены потребительских благ, как и прежде, растут относительно, но теперь, лишённые покрова общей дефляции, они должны расти и абсолютно, т. е. стать видимыми. Таким образом, экономическая политика, состоящая в государственном вмешательстве с целью не допустить денежной дефляции, лишает публику одного из преимуществ спада – снижения стоимости жизни. Таким образом, нежелательное явление в виде рецессии с одновременной инфляцией на самом деле порождено государственным вмешательством, целью которого было недопущение дефляции.

Наряду с возобновлением внимания экономистов к феномену экономического цикла недавно закончившиеся 1960-е годы ознаменовались появлением новой – «монетаристской» – чикагской школы во главе с Милтоном Фридменом. Она стала сильным конкурентом кейнсианству с его упором на противочиклическую фискальную политику. Хотя для подхода современных чикагцев характерен заслуживающий всяческого одобрения возврат к докейнсианскому подчеркиванию той решающей роли, которую играют деньги в формировании экономического цикла, по сути, этот подход является не более чем реинкарнацией «чистой денежной теории» Ирвинга Фишера и сэра Ральфа Хоутри, которую эти экономисты разрабатывали в 1910—1920-е годы. Следуя английским классическим экономистам XIX в., монетаристы жестко отделяют «уровень цен» от динамики индивидуальных цен на отдельные товары и утверждают, что денежные факторы определяют первый, а спрос и предложение на конкретные товары – вторые. Следовательно, полагают монетаристы, денежные факторы не оказывают никакого значимого влияния на поведение относительных цен и не искажают структуры производства. Итак, хотя монетаристы понимают, что увеличение предложения денег и кредита будет повысить общий уровень цен, они игнорируют тот факт, что наступающая затем рецессия требует устранения накопленных искажений и ликвидации несостоятельных инвестиций, сделанных в период бума, предшествовавшего рецессии. Таким образом, у монетаристов нет причинно-следственной теории экономического цикла, и каждая его фаза превращается в изолированное событие, никак не связанное с последующей фазой.

Более того, как и в случае Фишера и Хоутри, современные монетаристы считают этическим и экономическим идеалом поддержание постоянного общего уровня цен. Они полагают, что суть экономического цикла состоит в росте и падении (в «динамике») уровня цен. А так как уровень цен определяется денежными факторами, монетаристы настаивают на том, что если уровень цен посредством мер экономической политики государства будет поддерживается постоянным, то экономический цикл исчезнет. Так, Фридмен в своей «Монетарной истории Соединенных Штатов, 1867–1960 гг.», вышедшей в 1963 г., вторит своим учителям, превознося Бенджамина Стронга за то что в течение 1920-х годов тот поддерживал оптовые цены на постоянном уровне. Для монетаристов организованная Строгом инфляция денег и кредита не порождает никаких отрицательных последствий в виде чередования бумов и спадов, а Великая депрессия, наоборот, была вызвана жесткой монетарной политикой, которую стали реализовывать после того, как Стронг умер. Таким образом, если обе школы – и монетаристы фишеровско-чикагского направления, и приверженцы австрийской теории – делают одинаковый упор на критической важности денег для понимания Великой депрессии, равно как и для понимания рецессий, имевших место в других циклах, то объяснение причин депрессии и выводы, на базе которых строятся рекомендации для экономической политики, у них диаметрально противоположны. Для экономистов австрийской школы денежная инфляция 1920-х годов подготовила почву для неизбежной депрессии, тяготы которой усугубило стремление поддержать не оправдавшие себя инвестиции – с помощью попыток Федерального резерва продолжать политику инфляции и в течение 1930-х годов. Монетаристы-чикагцы, с другой стороны, не понимая причин, которые генерируют рецессии и которые коренятся в предшествующем депрессии периоде

бума, превозносят экономическую политику 1920-х годов. за поддержание стабильного уровня цен и полагают, что с депрессией можно было бы быстро покончить, если бы только Федеральный резерв в те годы инфлировал бы [денежное предложение] намного более интенсивно.

Долгосрочная тенденция свободной рыночной экономики, не испытывающей на себе искажающего воздействия денежно-кредитной экспансии, состоит в медленном понижении уровня цен, происходящего по мере постоянного увеличения производительности экономики и производства товаров и услуг. Следование рекомендациям австрийской школы воздерживаться от денежной инфляции позволило бы данной тенденции, присущей свободному рынку, проявить себя в полной мере, устранив тем самым искажения, приносимые экономическим циклом. Цель чикагских монетаристов – поддержание постоянного общего уровня цен – может быть достигнута только посредством постоянной денежно-кредитной экспансии. Как и в 1920-е годы, это будет генерировать чередование периодов бума и кризисов, которое в последние двести лет сопровождалось таким разрушительными последствиями.

Мюррей Ротбард,
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк,
июль 1971 г.

Предисловие к третьему изданию

В настоящее время Америка находится в разгаре полномасштабной инфляционной депрессии. Рецессия, наступившая в 1969–1971 гг. и проходившая на фоне инфляции, вскоре (приблизительно в ноябре 1973 г.) сменилась депрессией в сочетании со значительно более высокой инфляцией, которая сорвалась в еще более глубокий спад осенью 1974 г. С этого момента физический объем продукции постепенно значительно снизился, а норма безработицы достигла 10 % и была еще более высокой в главных промышленных регионах. Отчаянные попытки экономико-политического истеблишмента навести оптимистический глянец на самую суровую депрессию с 1930-х годов сводятся к двум аргументам. Во-первых, нам указывают не адекватность статистики безработицы. Во-вторых, говорят, что после 1929 г. депрессия была намного более сильной, чем сейчас. Первый аргумент является верным, но не имеет отношения к делу, – при любых несовершенствах статистических показателей быстрый и стремительный рост нормы безработицы с менее чем 6 до 10 % всего за один год (с 1974 по 1975 г.) сам по себе выразителен и ужасен. Да, в 1930-е годы экономика находилась в более плачевном состоянии, но тот период был периодом самой глубокой депрессии в американской истории, и сегодняшняя депрессия не является мягкой по сравнению с любой депрессией, предшествовавшей 1929 г.

Нынешняя депрессия в сочетании с инфляцией убедительно показала экономистам страны, что их излюбленные теории, принятые и применявшиеся с 1930-х годов, являются драматически и фундаментально ошибочными. В течение сорока лет нам говорились – в учебниках, в экономических журналах и в заявлениях правительственных советников, – что правительство имеет в своем распоряжении инструменты, которые позволяют легко справляться с инфляцией и рецессией. Нам говорили, что с помощью фокусов налоговой и денежной политики правительство может осуществлять тонкую настройку экономики, избегая экономического цикла и обеспечивая непрерывный экономический рост, не сопровождающийся инфляцией. Если убрать профессиональный жаргон, уравнения и графики, то суть того, что сообщал нам экономический истеблишмент в течение всего этого времени, сводилась к тому, что если нам покажется, что экономика вот-вот соскользнет в рецессию, то для того чтобы предотвратить спад, правительству нужно будет лишь слегка надавить на педаль фискального или денежного газа – чтобы закачать в экономику деньги и поднажать на расходы. И наоборот, если экономика выкажет признаки инфляции, все что нужно будет сделать правительству, это нажать на фискальный и денежный тормоз, извлекая деньги из экономики и притормаживая расходы. Таким образом, говорили нам, правительственные экономисты-плановики способны направлять экономику по точно вычисленному верному курсу, проводя ее между ужасами безработицы и рецессии, с одной стороны, и инфляции – с другой. Но что говорит нам общепринятая экономическая теория о том, что делать правительству, если экономика переживает сильную инфляцию и депрессию в одной и то же время? Может ли теперь наш самопровозглашенный водитель, большое правительство, нажимать на газ и на тормоз одновременно?

Столкнувшись с крахом всех своих надежд и планов, заблокированное бетонными блоками своих ошибочных теорий, американские экономисты впали в нерешительность и отчаяние. Называя вещи своими именами, они не знают, ни что делать дальше, ни даже как объяснить текущий экономический хаос. На практике все, что они способны делать, это попеременно и с возрастающей частотой жать то на газ, то на тормоз, надеясь на то, что что-нибудь да работает. Так, осенью 1974 г. президент Форд призвал повысить подоходный налог – лишь для того, чтобы через несколько месяцев призвать к его скорейшему понижению. Общепринятая экономическая теория является банкротом. Более того, так как поколение назад в университетских программах по всей стране курс по экономическому циклу был заменен на «макро-

экономику», экономисты только сейчас вдруг обнаружили, что такое явление, как экономический цикл, оказывается, существует, но что у них нет никаких теоретических инструментов, чтобы понять это явление. Некоторые экономисты, профсоюзные лидеры и бизнесмены, потеряв всякую надежды на экономику свободного рынка, начали призывать к радикальному переходу американской экономики к более коллективистской системе.

Чего стоит, например, Комитет за планирование национальной экономики, в который вошли такие авторитетные экономисты, как Василий Леонтьев, такие профсоюзные лидеры, как Леонард Вудкок, и такие лидеры бизнеса, как Генри Форд-второй!

В этой безысходной атмосфере всеобщего отчаяния мы находим лишь одну школу экономической мысли, которая предвидела сегодняшние невзгоды, которая имеет неопровержимую теорию, объясняющую происходящее и которая предлагает выход из трудной ситуации. Этот выход состоит вовсе не в принесении в жертву свободного предпринимательства на алтаре коллективистского планирования. Наоборот, эта интеллектуальная традиция призывает к восстановлению системы полностью свободного предпринимательства, ныне искалеченной десятилетиями государственного вмешательства. Именно эта – австрийская – школа экономической мысли представлена в данной книге. Согласно точке зрения австрийской школы незатухающая инфляция порождается непрерывным и хроническим увеличением предложения денег, организованным федеральным правительством. Начиная с создания Федеральной резервной системы в 1913 г. предложение денег и банковского кредита полностью контролируется федеральным правительством. Со временем степень этого контроля только росла. Она выросла в 1933 г., когда Америка отказалась от внутреннего золотого стандарта, она еще больше увеличилась в 1968 г., когда США отказались от золота как основы доллара при международных расчетах, и достигла максимума после 1971 г. Когда золотой стандарт отброшен, Федеральному резерву и контролируемым им банкам больше не требуется погашать доллары золотом, так что теперь Федеральный резерв может расширять предложение бумажных долларов и долларов, существующих в виде банковских записей, до такой степени, до какой пожелает. Чем дальше он делает это, тем в большей степени цены проявляют тенденцию к ускоренному росту, отрицательно сказываясь на экономическом росте и порождая бедность для тех лиц, увеличение доходов которых отстает в этой инфляционной гонке.

Кроме того, австрийская теория показывает, что инфляция – не единственное отрицательное последствие расширения предложения денег и кредита, осуществляемого государством. Это расширение искажает структуру инвестиций и производства, провоцируя избыточное инвестирование в отраслях, производящих капитальные блага, и перенаправляет ресурсы от производства потребительских благ к производству капитальных благ. Это искажение выражается в хорошо известном факте, который имеет место во время каждого очередного бума, когда цены капитальных благ растут быстрее, чем растут цены на потребительские блага. За этим неизбежно следует фаза экономического цикла, называемая рецессией или спадом, когда осуществляется необходимый процесс корректировки, в ходе которой рынок ликвидирует необоснованно сделанные в период бума инвестиции и перенаправляет ресурсы от производства капитальных благ в отрасли, производящие потребительские блага. Чем дольше инфляция вносила свои искажения, тем более болезненной будет процесс коррекции, происходящий во время рецессии. В период рецессии изменение структуры распределения ресурсов совершается путем относительного (т. е. по отношению к динамике цен на потребительские блага) падения цен капитальных благ. Мы видели, что в период рецессии 1974–1975 гг. происходило именно это – цены на промышленное сырье быстро и значительно упали, оптовые цены остались на прежнем уровне или несколько понизились, а цены потребительских товаров быстро выросли, и этот рост еще продолжается. Таково краткое выражение сути депрессии, проходящей одновременно с инфляцией.

Если экономисты-теоретики австрийского направления правы, то что должно делать правительство? Во-первых, существует лишь один способ, которым государство может избавить экономику от хронической и потенциально неукротимой инфляции, – оно должно отказаться от инфляции. Это может быть сделано посредством прекращения осуществляемого в ходе манипуляций Федерального резерва расширения денежного предложения, осуществляемого либо посредством понижения резервных требований, либо путем покупки [Федеральным резервом] активов на открытом рынке. В инфляции виноваты отнюдь не «монополии», и не агитация профсоюзов, и не происки спекулянтов, и не «жадность» потребителей. Инфляцию порождает узаконенное фальшивомонетчество самого государства. Государство – единственный общественный институт, имеющий власть, позволяющую ему заниматься фальшивомонетчеством – создавать дополнительные деньги. До тех пор пока оно будет продолжать использовать эту власть, мы будем испытывать болезненные последствия инфляции. Мы можем даже стать жертвой ничем не сдерживаемой инфляции, которая полностью разрушит денежное обращение. Самое малое, что мы должны сделать, это призвать государство прекратить использовать свою власть для того чтобы инфлировать деньги. Но поскольку имеющаяся власть всегда используется и ею всегда злоупотребляют, намного более мудрым способом покончить с инфляцией было бы полностью лишить государство власти заниматься фальшивомонетчеством, либо приняв закон, который запретит Федеральному резерву покупать активы и понижать резервные требования, либо, что более основательно, полностью упразднить ФРС. До 1913 г. мы жили без центрального банка, и эпизоды инфляции и депрессий были гораздо менее разрушительными. Другой жизненно важной реформой является возврат к золотому стандарту, т. е. к деньгам, основанным на товаре, производимом не государственным печатным станком, а самим рынком. В 1933 г. государство наложило арест на золото, принадлежавшее гражданам, и конфисковало его, выдав это за временную меру, связанную с чрезвычайной ситуацией. Чрезвычайной ситуации не существует уже сорок лет, но наше золото все еще спрятано от нас в Форт-Ноксе.

Если вернуться к проблеме избавления от депрессий, то и здесь лекарство оказывается простым. Оно состоит в том, чтобы избежать инфляции, лишив Федеральный резерв власти ее осуществлять. Если мы уже находимся в состоянии депрессии, как это имеет место сейчас, то единственным пригодным способом действий является недопущение государственного вмешательства в ход депрессии, что позволит ей (т. е. необходимому процессу коррекции) завершиться настолько быстро, насколько это возможно, восстановив, таким образом, здоровую и процветающую экономическую систему. До масштабного вмешательства государства в 1930-е годы, все рецессии были краткосрочными. Сильный спад 1921 г. был пройден так быстро, что министр торговли Гувер, при всей своей склонности к интервенционизму, не смог достаточно быстро убедить президента Гардинга начать вмешательство в экономику. К тому моменту, когда Гуверу все же удалось уговорить Гардинга на интервенционистские меры, депрессия уже кончилась и рост экономики возобновился. Когда в октябре 1929 г. произошел крах фондового рынка, Герберт Гувер, ставший к тому времени президентом США, начал осуществлять государственное вмешательство в рынок так быстро и в таких масштабах, что процесс коррекции был парализован. Экономическая политика Новых курсов Гувера – Рузвельта смогла породить перманентную и грандиозную по своим масштабам депрессию, которая закончилась только накануне Второй мировой войны. Единственным способом действий государства, который может обеспечить быстрое восстановление после любого кризиса и депрессии, является жесткое следование политике государственного *невмешательства*, т. е. политике *laissez faire*.

Итак, сегодня, в пору нерешительности и отчаяния, австрийская школа предлагает нам и объяснение происходящего, и лекарство от поразившего нас недуга. Это лекарство является таким же радикальным, и возможно, таким же или – в политическом отношении – еще более горьким, чем идея полного слома свободной экономики и перехода к тоталитар-

ной неработоспособной система коллективистского планирования экономики. Австрийский рецепт состоит в прямо противоположном, – мы можем преодолеть этот и все будущие кризисы, только если покончим с государственным вмешательством в экономику. В частности, говоря более конкретно, если мы покончим с генерируемой государством инфляцией, с его контролем над денежным предложением, а также с его вмешательством в процесс коррекции, которая составляет суть любой рецессии. В переломные моменты недостаточно только продумывать реформы, – мы должны сделать решительный шаг к тому, чтобы изгнать государство из экономики, к тому, чтобы полностью отделить от государства экономику и денежное предложение, к тому, чтобы продвинуться к истинно свободному рынку и предпринимательской экономике.

Мюррей Ротбард,
Пало-Альто, Калифорния,
май 1975 г.

Предисловие к четвертому изданию

Мне кажется, что новое издание этой книги знаменует собой некий цикл. Второе издание вышло в период рецессии 1969–1971 гг., которая стала итогом инфляции, а третье появилось во время депрессии 1973–1975 гг., происходившей одновременно с инфляцией. Сегодня экономика находится в разгаре другой инфляционной депрессии, которая является, по меньшей мере, такой же, если не более глубокой, чем депрессия 1973–1975 гг., самой масштабной после кризиса 1930-х годов.

Растерянность и интеллектуальная безысходность, которые мы отметили в предисловии к третьему изданию, сегодня, пожалуй, проявляются с еще большей интенсивностью. Тот факт, что кейнсианство потерпело интеллектуальное банкротство, является общепризнанным. Мы видим, как кейнсианские ветераны во время глубокого спада призывают к *повышению* налогов, причем очень немногие обращают внимание на этот поворот на сто восемьдесят градусов, и еще меньшее число людей пытаются его объяснить.

Отчасти царящее замешательство объясняется тем, что сегодняшняя глубокая депрессия 1981–1983 гг. последовала так быстро после тяжелой рецессии 1979–1980 гг., что кажется, будто судорожное и мимолетное восстановление экономики 1980–1981 гг. было лишь паузой посреди хронического спада, который продолжается с 1979 г. Объем производства не растет уже многие годы, автомобильная промышленность находится в плачевном состоянии, а безработица достигла максимальных значений за весь период после 1930-х годов.

Примечательной особенностью депрессии 1981–1983 гг., которая отличает ее от периода 1973–1975 гг., является сдвиг экономической мысли и экономической политики не к коллективистскому планированию, но к некоторой гипотетической политике свободного рынка. Администрация Рейгана шумно рекламирует сокращения бюджетных расходов и налогового бремени, которые она называет масштабными. Однако это не способно скрыть по-настоящему масштабное увеличение налогов и государственных расходов, имеющее место в реальности. Президент Рейган имеет самый большой дефицит бюджета и самый большой бюджет в американской истории. Если кейнсианцы, а вслед за ними и администрация президента призывают к увеличению налогов для сокращения бюджетного дефицита сегодня, то из уст классических либеральных экономистов мы слышали столь же скандальную апологию государства в первые дни этой администрации, когда эти экономисты утверждали, будто дефицит бюджета представляет собой нечто неважное. Наряду с теоретически верным утверждением, согласно которому финансирование дефицита посредством продажи облигаций публике не является инфляционной мерой, верно и то, что значительный дефицит (а) порождает ненормально сильное *политическое* давление на Федеральный резерв, с тем чтобы он монетизировал долг и (б) парализует частные инвестиции, вытесняя частные сбережения и направляя их на непроизводительные, расточительные и совершенно лишние благодеяния правительства, обременяющие повышенными налогами будущие поколения.

Пока что «рейганомика» имеет две отличительные черты – гигантский дефицит бюджета и исключительно высокие процентные ставки. Если дефицит часто порождает инфляцию и всегда чреват опасными последствиями, то его сокращение посредством повышения налогов сродни лечению болезни посредством умерщвления пациента. Прежде всего, увеличение налогов просто-напросто предоставляет правительству больше денег для того, чтобы оно их потратило, так что государственные расходы, а с ними и дефицит бюджета, скорее всего, будут расти. С другой стороны, снижение налогов позволяет оказывать повышенное давление на конгресс и администрацию, побуждая их «по одежке протягивать ножки» и сократить государственные расходы.

Однако политика увеличения налогов наталкивается и на более прямое возражение. Утверждение о том, что для потребителя-налогоплательщика повышение налогов всегда лучше, чем рост цен, абсурдно. Если цены производимых товаров растут вследствие инфляции, то потребитель терпит ущерб, но он по крайней мере удерживает полезные эффекты покупаемых товаров. Но если правительство повышает налоги с тем, чтобы сдерживать рост цен, потребитель не получает взамен ничего. Он просто теряет свои деньги, не получая за них никаких полезных эффектов, пожалуй, за исключением того, что теперь его деньгами распоряжается правительство, которое его заставило субсидировать. При прочих равных рост цен всегда более предпочтителен, чем увеличение налогов.

Ну и в завершение заметим, что инфляция, как показано в этой книге, порождается не бюджетным дефицитом, а Федеральным резервом, увеличивающим предложение денег, так что вполне вероятно, что повышенные налоги не окажут на инфляцию вообще никакого влияния.

Дефицит должен быть ликвидирован, но он должен быть ликвидирован посредством урезания государственных расходов. Если уменьшить и государственные расходы, и налоги, то благотворным итогом этого станет сокращение паразитического давления налогов и государственных расходов на продуктивную деятельность частного сектора.

Здесь мы переходим к оценке новой доктрины, появившейся после третьего издания книги – «теории предложения» (supplieside economics), и ее радикальной версии, известной как кривая Лаффера. В той мере, в какой экономисты, придерживающиеся этой теории, говорят о том, что снижение налогов стимулирует занятость, бережливость и производительность, они просто повторяют истины, давно известные и классической, и австрийской школах. Проблема состоит в том, что теоретики доктрины предложения согласны с сохранением нынешнего уровня государственных расходов, так что в рамках их построений бремя отвлечения ресурсов от производительных частных к бесплодным государственным расходам остается тем же самым.

Развивая эту теорию, Лаффер выдвинул тезис о том, что понижение налоговых *ставок* настолько увеличит государственные доходы вследствие увеличения производства и доходов, что это позволит сбалансировать бюджет. Однако его последователи не задаются вопросом о том, как долго будет наблюдаться этот эффект, и кроме того, пока что нет никаких убедительных свидетельств в пользу того, что государственные доходы увеличатся в степени, достаточной для балансирования бюджета, и даже в пользу того, что они вообще увеличатся. Если правительство повысит ставку подоходного налога на 30 %, то вряд ли можно всерьез считать, что общий объем государственных доходов *понижится*.

Кроме того, возникает вопрос: почему в качестве цели налоговой политики выбран такой странный результат, как максимизация государственных доходов? Значительно более здоровой целью было бы попытаться *минимизировать* эти доходы и соответственно количество ресурсов, утекающих в государственный сектор.

С другой стороны, администрация Рейгана вряд ли могла как следует проверить действенность концепции кривой Лаффера, поскольку предписываемое ей пресловутое снижение налоговых ставок, и так урезанное и сокращенное по сравнению с первоначальным планом Рейгана, было с лихвой компенсировано увеличением отчислений на социальное страхование и эффектом смещения доходных групп (bracket creep). Этот эффект наблюдается, когда инфляция перемещает людей в группы с более высоким номинальным (но не реальным) доходом, автоматически увеличивая ставки их подоходного налога.

Согласно общепризнанной точке зрения преодоление депрессии и возобновление экономического роста в реальных сегодняшних условиях не достигаются из-за того, что процентные ставки остаются слишком высокими, несмотря на падение темпов инфляции, которое имеет место из-за депрессии. Сторонники Милтона Фридмана постановили, что реальные процент-

ные ставки (т. е. номинальные процентные ставки за вычетом темпа инфляции) всегда находятся в окрестности значения в 3 % годовых. Если темпы инфляции резко снижаются, скажем, с 12 до 5 % или еще ниже), то монетаристы уверенно предсказывают, что и процентные ставки должны резко понизиться, стимулируя циклическое оживление экономики. Однако реальные процентные ставки остались на уровне, намного превышающем 3 %. Как такое возможно?

Ответ сводится к тому, что ожидания людей являются чисто субъективным феноменом, который не может быть описан посредством механического использования графиков и регрессий. После нескольких десятилетий непрерывной и периодически ускоряющейся инфляции американская публика по привычке ожидает продолжения хронической инфляции. Периодические перерывы в этом процессе, возникающие при очень глубоком спаде, пропаганда и крики, издаваемые политиками, более не могут изменить этих ожиданий на противоположные. Пока сохраняются инфляционные ожидания, значения темпов инфляции, включаемые в оценки процентных ставок, останутся высокими, и эти ставки не будут падать в течение довольно продолжительного времени.

Разумеется, администрация Рейгана знала, что необходимо победить инфляционные ожидания публики, и мнение, согласно которому они недооценивали важность инфляции, не имеет под собой оснований, целиком являясь результатом успешной пропагандистской кампании. В действительности вся экономическая программа Рейгана может считаться таким шумным ярмарочным шоу на тему налогов и государственных расходов, за фасадом которого монетаристы, возглавляющие Федеральный резерв и министерство финансов, должны, как предполагается, постепенно снизить темпы роста предложения денег. Данное шоу задумывалось как способ борьбы с инфляционными ожиданиями. Политика постепенного снижения темпов роста количества денег в экономике должна была уменьшить инфляцию без болезненных последствий для экономики в виде рецессии и депрессии. Сторонники Фридмена никогда не понимали тезиса австрийской школы о необходимости рецессии для ликвидации ошибочных инвестиций, сделанных в период инфляционного бума. В итоге попытка сторонников Фридмена постепенно, в ходе тонкой настройки, добиться снижения инфляции без рецессии, происходила точно так же, как у кейнсианцев с *их* вариантом тонкой настройки, которых монетаристы критиковали в течение десятилетий. Снижение инфляции посредством тонкой настройки в исполнении сторонников Фридмена сопровождалось очередным глубоким экономическим спадом.

Таким образом, сторонники Фридмена оказались между двух стульев. Сокращение темпов роста количества денег, осуществленное Федеральным резервом, было достаточно резким, чтобы вызвать неминуемую рецессию, но слишком слабым и постепенным, чтобы покончить с инфляцией раз и навсегда. Вместо резкого, но короткого спада, который ликвидировал бы ошибочные инвестиции периода предшествовавшего бума, мы имеем бессмысленную хроническую рецессию, которая сопровождается разрушительной стагнацией производительности и экономического роста. Из-за трусливого градуализма мы столкнулись с наихудшими последствиями обоих вариантов: имеет место продолжение инфляции в сочетании с глубоким спадом, высокой безработицей и хронической стагнацией.

Одна из причин хронической рецессии и стагнации состоит в том, что *рынок обучается*. Инфляционные ожидания представляют собой урок, усвоенный за десятилетия инфляции. Премия к чистой процентной ставке есть реакция на политику инфляции. В результате увеличение предложения денег и кредита (проверенная временем политика Федерального резерва, с помощью которой он добивался понижения процентных ставок) больше не может давать сколько-нибудь долгосрочный эффект – просто потому, что она повышает инфляционные ожидания, а следовательно, приводит к повышению процентных ставок вместо их понижения. Мы достигли такой точки, за которой *любое* действие правительства является контрпродуктивным, из чего можно сделать единственный вывод – правительству не следует делать вообще ничего.

Иными словами, оно должно как можно скорее уйти с монетарной и экономической сцены, с тем чтобы позволить действовать силам свободного рынка.

Кроме того, сейчас проводить градуалистскую политику уже слишком поздно. Единственным решением осталось то, которое старейшина австрийской школы Ф. А. Хайек предлагал, когда критиковал политику Тэтчер, проводимую ее правительством в Британии, за аналогичный разрушительный градуализм. Единственный способ покончить с царящим сегодня маразмом состоит в том, чтобы резко ударить по тормозам, прекратив инфляцию. Тогда неизбежная рецессия будет резкой, но короткой, а свободный рынок, предоставленный сам себе, очень быстро вернется к восстановлению экономики на здоровой основе. Инфляционные ожидания американской публики можно изменить только посредством резкого торможения. Но умудренная опытом публика более не доверяет ни Федеральному резерву, ни федеральному правительству. Для того чтобы удару по тормозам можно было полностью доверять, необходимо радикальное хирургическое вмешательство в деятельность монетарных институтов, по своему масштабу подобное созданию рентенмарки в Германии, которое прекратило неуправляемую инфляцию в Германии в 1923 г.¹⁰ Важным шагом могла бы стать денационализация декретного доллара, осуществленная путем возвращения ему статуса золотой единицы определенного веса. Последующие меры могли бы состоять в лишении Федерального резерва права отныне и навсегда понижать резервные требования или приобретать какие-либо активы. Однако самое лучшее, что можно было бы сделать, это вовсе запретить деятельность Федеральной резервной системы, с тем чтобы государство и предложение денег были бы наконец полностью разделены.

Так или иначе, на горизонте пока нет никаких признаков ничего подобного. После короткого периода заигрывания с темой золота учрежденная президентом Комиссия по золоту (U.S. Gold Commission), состоящая из сторонников декретных денег, которая была сформирована из последователей Фридмана, поддерживаемых кейнсианцами, подавляющим большинством голосов предсказуемо отвергла переход на золото. Рейганомика – смесь монетаризма и кейнсианства в части фискальных доктрин, подаваемая публике в риторической обертке классического либерализма и теории предложения, – никоим образом не может решить ни актуальные проблемы текущей депрессии, сопровождаемой инфляцией, ни более фундаментальную проблему экономического цикла в целом.

Но если рейганомика обречена на неудачу, что может последовать вслед за этим? Грозит ли нам повторение Великой депрессии 1930-х годов, о чем все более громко предупреждают нас все больше голосов? Разумеется, мы можем провести множество параллелей и обнаружить множество признаков сходства. Тот факт, что рейганомика так долго не может понизить процентные ставки, продолжает блокировать фондовый рынок, испытывающий трудности еще с середины 1960-х годов и все в большей степени находящийся в состоянии перманентной сильнейшей волатильности. Уже прекратился рост и на рынке новых жилых домов, подавленный высокими процентами по ипотечным кредитам, то же самое произошло и на рынке многих предметов коллекционирования¹¹. С каждым десятилетием хронически растет безработица, – сегодня она находится на максимальном уровне со времен Великой депрессии, не выказывая ни малейших признаков снижения. Инфляционный бум, который после Второй мировой войны

¹⁰ Речь идет о рентенмарке, или рентной марке (Rentenmark), – временной денежной единице Веймарской республики, выпущенной в обращение 15 ноября 1923 г. для обмена на полностью обесценившиеся в ходе гиперинфляции 1922–1923 гг. немецкие марки (Deutsche Mark). Рентные марки менялись на немецкие марки из расчета 1 рентная марка на 1 триллион (10 в 12-й степени) немецких марок. При такой пропорции курс марки к доллару составил 1 доллар США = 4,2 рентных марки. Новая денежная единица не имела золотого содержания, и 30 августа 1924 г. вместо рентных марок, в рамках перехода к золотодевизному стандарту, были выпущены рейхсмарки, которым был придан статус узаконенного средства платежа и которые предусматривали параллельное хождение рентных марок (сохранились в обращении до 1948 г.). – *Прим. науч. ред.*

¹¹ В США картины, скульптуры, изделия ювелирной промышленности и другие объекты коллекционирования были объектами интенсивного инвестирования широкой публики в период высокой инфляции 1970-х годов. – *Прим. науч. ред.*

все время ускорялся, наводнил экономику проблематичными инвестициями и породил тяжелое бремя задолженности – в виде задолженности потребителей, домашних хозяйств, бизнеса и внешнего долга. В последние десятилетия бизнес фактически стал рассчитывать на инфляцию, видя в ней средство избавления от долгов, но что произойдет с задолженностью, если «дезинфляция», т. е. снижение темпов инфляции, имевшее место в 1981 и в первом полугодии 1982 г., продолжится? Ответ все в большей мере сводится к тому, что дело кончится волной банкротств и более глубоким спадом. Уровень банкротств в настоящее время является максимальным со времен Великой депрессии 1930-х годов. Сберегательные институты, зажатые между высокими ставками, которые они должны платить своим вкладчикам, и низкими ставками, которые приносят им долгосрочные ипотечные кредиты, все в большей мере будут превращаться в банкротов или будут вынуждены прибегать к маскирующим банкротство слияниям с другими сберегательными институтами, которые, в свою очередь, будут отягощены новыми долгами. Даже коммерческие банки, в течение полувека защищенные страховой сетью Федеральной корпорации страхования депозитов, начинают сегодня чувствовать себя все хуже и хуже вследствие множества безнадежных кредитов, которые они навывали в предыдущее десятилетие.

На международной арене дела обстоят еще хуже. В течение величайшего кредитного бума американские банки опрометчиво выдавали крайне рискованные ссуды несостоятельным государствам и сомнительным институтам за рубежом, в особенности правительствам коммунистических стран и стран третьего мира, снабжая их инфлируемыми долларами. Закон о регулировании депозитных учреждений 1980 г., шансы на отмену которого Рейгановской администрацией даже не просматриваются, позволяет Федеральному резерву приобретать неограниченное количество иностранной валюты (и любых других активов) и понижать резервные требования до нуля. Иными словами, этот закон предоставляет Федеральному резерву все возможности для неограниченной денежной и кредитной инфляции. Помощь обанкротившемуся правительству Польши и отказ США считать его банкротом, так что может статься, что американским налогоплательщикам предстоит нести бремя соответствующих расходов до бесконечности, являются грозным предзнаменованием, поскольку лишь масштабная инфляция будет способна спасти иностранных должников и американские банки, являющиеся их кредиторами.

Поскольку градуализм последователей Фридмена не позволит рецессии, которая не будет достаточно резкой, сбросить задолженность, это означает, что перед американской экономикой все отчетливее будут вырисовываться два варианта, – либо долги будут выплачиваться в условиях депрессии того же типа, как была в 1929 г., сопровождающейся сильной дефляцией, либо Федеральный резерв прибегнет к масштабной инфляции, видя в ней средство решения проблемы задолженности. Используется риторика, заимствованная у сторонников твердых денег, или нет, нерешительность и компромиссы, присущие рейганомике, со всей очевидностью говорят о том, что из этих вариантов будет выбран вариант масштабной инфляции денег и кредита и, следовательно, возврат к двузачным если не больше темпам инфляции, что еще больше повысит процентные ставки и воспрепятствует восстановлению. Можно ожидать, что в случае прихода к власти демократической партии они прибегнут к инфляции с еще большим энтузиазмом. Поэтому мы должны готовиться не к такой депрессии, которая будет похожа на депрессию 1929 г., но к депрессии, которая будет сопровождаться масштабной инфляцией. Пока такая депрессия не началась, программа, предлагаемая экономистами австрийской школы и предполагающая переход к золотому стандарту, запрету Федерального резерва и политике *laissez faire*, будет отвергаться экономистами, политиками и широкой публикой как слишком жесткая и драконовская. Но эта программа поражает своим удобством и умеренностью, если сравнить ее с экономической преисподней перманентной инфляции, стагнации, огромной безработицы и инфляционной депрессии, на которую готовы пойти кейнсианцы и неокейнсианцы, являю-

щиеся поклонниками Фридмена. Возможно, нынешний и будущий экономический холокост заставит американскую публику отвернуться от провалившихся рецептов и обратиться к выводам австрийской школы и рекомендациям в сфере экономической политики, сделанным на их основе.

Мюррей Ротбард,
Стэнфорд, Калифорния,
сентябрь 1982 г.

Часть первая

Теория экономического цикла

Глава 1

Позитивная теория экономического цикла

Исследование природы экономического цикла должно базироваться на адекватной общей экономической теории. Простое созерцание гор статистических данных, часто называемое «беспристрастным изучением», совершенно бессмысленно. Цикл разворачивается в мире экономики, поэтому экономическая теория цикла, объясняющая это явление, *обязана* быть интегрированной с общей экономической теорией (любопытный факт состоит в том, что случаи или даже попытки такой интеграции являются скорее исключением из правил). В последние два десятилетия экономисты раскололись на множество изолированных сообществ – ни одна подотрасль экономической науки не имеет почти никакого отношения ни к какой другой. Теории экономического цикла Шумпетера и Мизеса остаются единственными примерами теорий цикла, интегрированных в общую экономическую теорию¹².

Огромное множество специалистов по циклу, с презрением отвергающих любую системную интеграцию как чисто дедуктивную и слишком упрощенную конструкцию, тем самым вольно или невольно отвергают экономическую теорию как таковую, поскольку если можно изобрести теорию цикла, не имеющую отношения к общей экономической теории, то такая общая экономическая теория сама должна быть неверной, – ведь тогда перед нами будет общая экономическая теория, которая не в состоянии объяснить такое жизненно важное экономическое явление, как цикл. Для институционалистов, представляющих собой чистых собирателей данных, да и для почти всех представителей других школ, этот вывод является весьма желательным. Однако даже институционалисты, осуществляя исследования и давая рекомендации, должны *хотя бы иногда* использовать экономическую теорию (на самом деле они довольствуются некой мозаикой, составленной из произвольно введенных *ad hoc* допущений, внезапно пришедших в голову интуитивных догадок и подобранных там и сям результатов размышлений коллег, принадлежащих к самым разным школам и доктринам). Существует чрезвычайно мало экономистов (а может быть, таких нет вовсе), которые понимали бы, что теория экономического цикла, разработанная Мизесом, представляет собой не просто «одну из» теорий, что в отличие от большинства теорий цикла она связана огромным числом связей с общей экономической теорией¹³. В действительности теория Мизеса и есть тот самый экономико-теоретический анализ неизбежных экономических последствий банковской кредитной экспансии, искажающей функционирование свободного рынка. Формулируя свои утверждения, последователи теории Мизеса подчас страдают излишней скромностью, когда они не оспаривают утверждений, согласно которым эта теория представляет собой «всего лишь одно из многих возможных объяснений экономического цикла» и каждому циклу должна соответствовать своя теория, объясняющая его специфическими причинами. В этой области, как и во множестве других, эклектизм совершенно неуместен. Поскольку теория Мизеса является единственной теорией

---

¹² Развитие теории экономического цикла есть у многих некейнсианских авторов. Однако их теории интегрированы не с общей экономической теорией, а с холистическими кейнсианскими системами, которые сами имеют весьма частный характер.

¹³ Ни грана этого понимания не обнаруживается, например, в таком широко известном исследовании, каким является работа Готфрида Хаберлера. См.: *Haberler, Gottfried, Prosperity and Depression* (2nd ed., Geneva, Switzerland: Ligue of Nations, 1939) (*Хаберлер Г. Процветание и депрессия*. Челябинск: Социум, 2005).

цикла, которая выводится из общей экономической теории, она оказывается и единственной теорией цикла, способной корректно объяснить этот феномен. Если мы не собираемся отказываться от общей экономической теории, мы обязаны отвергнуть все предлагаемые объяснения цикла, которые не интегрированы с общей теорией.

1.1. Экономические циклы и колебательные процессы в экономике

Прежде всего важно провести различие между экономическим циклом, с одной стороны, и обычными изменениями деловой активности – с другой. По необходимости все мы живем в мире, где происходят постоянные и никогда не прекращающиеся перемены, которые невозможно описать в точности до того, как они произошли. Люди из всех сил пытаются прогнозировать и предвосхищать изменения, но такого рода предсказания никогда не могут быть сведены к предсказаниям, формулируемым в рамках точных наук. Прогнозирование рынка – это бизнес предпринимателей, пытающихся предугадать состояние спроса и предложения. Наиболее успешные из них получают прибыль на точности своих предсказаний, тогда как неудачливые прогнозисты оттесняются на обочину. В итоге наиболее успешными в предвосхищении будущих рыночных условий являются удачливые предприниматели свободного рынка. Разумеется, полное совершенство в прогнозировании недостижимо, и предприниматели всегда будут различаться в зависимости от успешности своих предсказаний. Будь это не так, в бизнесе невозможно было бы получать ни прибылей, ни убытков.

Изменения происходят постоянно и во всех сферах и областях экономики. Изменяются вкусы потребителей. Временные предпочтения, а следовательно, соотношение между инвестициями и потреблением, претерпевают качественные, количественные и пространственные изменения. Открываются новые запасы одних видов природных ресурсов, а запасы других оказываются исчерпанными. Технологические сдвиги меняют уровень и структуру производственных возможностей. Капризы погоды воздействуют на урожаи сельскохозяйственных культур. Все эти и многие другие изменения характерны для любой экономической системы. На самом деле, мы не в состоянии представить себе общество, в котором изменения отсутствуют. Если бы такое общество существовало, то все индивиды день за днем выполняли бы одни и те же действия, и никакие экономические параметры и показатели никогда бы не менялись. При этом, даже если такое общество и можно было бы построить в чем-либо воображении, вряд ли люди в своей массе захотели бы, чтобы это воображаемое состояние было реализовано в действительности.

Таким образом, мечты о том, что каждый вид экономической деятельности должен быть «стабилизирован», – так, как если бы никакие из вышеперечисленных изменений не происходили, – абсурдны. Попытки «стабилизировать» или «не допустить» эти изменения уничтожили бы всякую производительную деятельность. Рассмотрим упрощенный гипотетический пример. Предположим, что некое сообщество каждые семь лет подвергается набегам стай саранчи. В таком обществе множество людей начинали бы готовиться к этому явлению заранее: изготавливать приспособления для поимки и/или уничтожения саранчи, нанимать специалистов по борьбе с саранчой и т. п. Очевидно, что каждые семь лет отрасль борьбы с саранчой переживала бы «бум», который, по счастью, оканчивался бы депрессией в этой отрасли, продолжающейся в течение следующих шести лет. Улучшится или ухудшится ситуация, если все решат, что данную отрасль необходимо «стабилизировать», и настоят на том, чтобы производимые в ее рамках механизмы и приспособления производились бы ежегодно в равных количествах, пусть даже они шесть лет покрываются ржавчиной и устаревают? Нужно ли заставлять людей производить приспособления до того, как они будут в них нуждаться, нужно ли заставлять их заранее нанимать и содержать работников? Или наоборот, нужно ли заставлять людей откладывать

производство нужных им машин и приспособлений, не позволяя это делать в тот момент, когда они им нужны? А ведь во имя «стабилизации» будут осуществляться именно эти и подобные им действия. Если люди хотят увеличить количество имеющихся у них автомобилей и уменьшить число принадлежащих им домов, нужно ли во имя стабилизации запрещать им покупать автомобили и заставлять их покупать дома? Как сказал Ф. А. Харпер: «Экономические колебания этого типа буквально пронизывают наше ежедневное существование. Например, по мере смены времен года имеются сильные колебания в урожайности земляники. Должны ли мы выращивать достаточное количество земляники в теплицах, для того чтобы стабилизировать ее производство на протяжении года?»^{14, 15}

Таким образом, можно считать, что *конкретные* колебания деловой активности представляют собой не редкие события, а происходят постоянно. Чтобы понять их природу, не требуется никакой специальной «теории цикла». В ответ на постоянные изменения условий и характеристик экономической деятельности происходят и соответствующие рыночные изменения, которые полностью объясняются экономической теорией. Однако многие экономисты до сих пор считают общую депрессию в экономике результатом «слабости рынка», вызванной «спадом в строительстве» или «спадом в сельском хозяйстве». Но спады в конкретных отраслях никогда не запускали *общей* депрессии в экономике. Изменения экономических условий приводят к увеличению производства в одних отраслях и к уменьшению в других. Предположим, например, что в результате технологических сдвигов и изменений во вкусах потребителей спрос на сельскохозяйственную продукцию переключился на другие блага. Утверждение, которое можно часто услышать в такой ситуации и согласно которому спад в сельском хозяйстве вызовет общий экономический спад (потому что фермеры начнут покупать меньше товаров, а потом меньше товаров начнут покупать те, кто работает в отраслях, поставляющих фермерам свои изделия, и т. д.), совершенно беспочвенно. Это утверждение игнорирует тот факт, что процветать начнут те, кто производит *Другие* товары, на которые потребители *увеличили* свой спрос.

Проблема экономического цикла состоит в *общем* характере бума и депрессии, это не проблема, которая может быть решена изучением состояния конкретных отраслей и поиском факторов, являющихся причиной их относительного процветания или депрессии. Некоторые экономисты (например, Уоррен, Пирсон или Дьюи и Дэйкин) полагали, что такого явления, как колебания общей экономической активности, вообще не существует, а соответствующая динамика есть просто-напросто результат наложения разных циклов, протекающих в разные периоды времени в разных отраслях экономики. Однако, если речь не идет о простой констатации таких конкретных циклов, как двадцатилетний строительный цикл или семилетний цикл набегов саранчи, подобное построение является полностью непригодным – оно бесполезно и для понимания экономического цикла как такового, и для изучения конкретных экономических спадов и депрессий. То, что необходимо объяснить, представляет собой чередование *общеекономических* бумов и кризисов.

Как только мы приступим к осмыслению этих общеэкономических колебаний, немедленно станет очевидно, что они запускаются общим средством обмена – деньгами. Именно деньги являются тем связующим звеном, которое соединяет все виды экономической деятель-

¹⁴ F. A. Harper, *Why Wages Rise* (Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1957), pp. 118–119.

¹⁵ При оценке этого примера необходимо принять во внимание время написания книги Харпера. Кроме того, форма, в которой задан вопрос, закрывает возможность правильного ответа. В соответствии с методологией Мизеса – Ротбарда, «правильный» вопрос, во-первых, адресуется не неопределенным «нам» и, во-вторых, имеет не нормативно-теоретический, а праксеологически-предпринимательский характер, превращаясь из вопроса в предпринимательский акт («будет ли пользоваться спросом земляника в течение круглого года и окупятся ли затраты на ее производство в теплицах и/или на ее доставку из Южного полушария?») Время, прошедшее с момента выхода книги Харпера, показало, что наличие прибылей от описанного выше удовлетворения спроса в течение круглого года демонстрирует, что они «правильно» ответили на оба своих вопроса. – *Прим. науч. ред.*

ности. Если одни цены идут вверх, а другие – вниз, мы можем сделать вывод, что спрос переключился с одних товаров на другие. Но если *одновременно* повышаются или понижаются цены *всех* благ, то это означает, что некие изменения имели место в *денежной* сфере. Только изменения спроса на деньги и/или предложения денег могут вызывать *общее* изменение цен. Увеличение предложения денег при сохранении спроса на них на прежнем уровне приведет к падению покупательной способности каждого доллара, т. е., иными словами, к общему росту цен. Уменьшение предложения денег, наоборот, вызовет общее снижение цен. С другой стороны, общее увеличение спроса на деньги (при том что их предложение останется на неизменном уровне) породит увеличение покупательной способности доллара (иными словами, общее понижение цен), тогда как падение спроса на деньги приведет к общему росту цен. Итак, общие изменения цен определяются изменениями денежного предложения и спроса на деньги. Предложение денег представляет собой имеющийся в некий момент времени запас денег в обществе. Спрос на деньги, в конечном счете, представляет собой совокупное желание людей держать остатки наличности (*cash balances*), что выражается в их стремлении получать деньги в порядке обмена и сохранять их в составе своих остатков наличности. Таким образом, одним из компонентов общественного спроса на деньги является предложение товаров, существующее в экономике в целом, – увеличение предложения товаров при прочих равных увеличивает спрос на деньги, вызывая тем самым тенденцию к понижению цен. Спрос на деньги уменьшается, когда покупательная способность денежной единицы повышается, поскольку теперь каждый доллар остатков наличности является более эффективным. Понижение покупательной способности (т. е. общее повышение цен), наоборот, означает, что каждый доллар стал менее эффективным и, для того чтобы произвести ту же работу, теперь требуется большее количество долларов.

Далее, покупательная способность доллара остается неизменной, когда запас денег и спрос на деньги находятся в состоянии равновесия между собой, т. е. когда люди хотят держать в составе своих остатков наличности ровно то количество денег, которое существует. Если спрос на деньги превышает их запас, покупательная способность денег станет увеличиваться, до тех пор пока спрос не перестанет быть избыточным [относительно запаса] и рынок не сбалансируется. И наоборот, уменьшение спроса на деньги до уровней ниже предложения денег, понизит покупательную способность доллара, т. е. вызовет рост цен.

Итак, сами по себе колебания общих экономических параметров «денежного отношения»¹⁶ не являются ключом к объяснению таинственного экономического цикла. Да, всякий цикл общей экономической активности запускается посредством данного отношения – отношения между запасом денег и спросом на них. Но сами по себе изменения денежного отношения позволяют объяснить немного. Например, если увеличивается предложение денег или если падает спрос на деньги, цены вырастут – но почему это должно генерировать экономический цикл? В частности, почему это должно порождать депрессию? Ранние экономисты-теоретики, выдвигавшие теории цикла, были правы, концентрируясь на *кризисе* и *депрессии*, поскольку именно эти явления шокировали и ставили в тупик как экономистов, так и обывателей, и именно эти фазы цикла в наибольшей степени нуждаются в объяснении.

1.2. Проблема: концентрация ошибок

Итак, объяснение депрессии не может сводиться к указанию на существование специфических или даже общих колебаний в экономике *per se*¹⁷. Главный вопрос, ответ на который

¹⁶ См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 385, 390, 402–403. Rothbard, Murray. Man, Economy and State. (3rd ed., Scholar's Edition, Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2004), pp. 756–762. – Прим. науч. ред.

¹⁷ Зд.: как таковых. – Прим. перев.

должна давать теория депрессии, формулируется следующим образом: *почему имеет место внезапная всеобщая концентрация предпринимательских ошибок?* Это первая проблема, являющаяся вызовом для каждой теории цикла. Предприниматели вполне успешно ведут свой бизнес, а их операции, по большей части, приносят им неплохую прибыль. Внезапно и без всякого предупреждения условия меняются и огромное количество фирм становятся убыточными. В одночасье выясняется, что, прогнозируя будущее течение дел, все они совершили фатальные ошибки.

В этом месте необходимо сказать пару слов о предпринимательстве. Дело в том, что прогнозирование и есть то, чем занимаются предприниматели. Они должны инвестировать и нести издержки в настоящем, рассчитывая возместить затраты и получить прибыль в будущем, продавая то, что они произведут, – либо конечным потребителям, либо другим предпринимателям, располагающимся в более отдаленных от потребления звеньях производственной структуры. Те предприниматели, которые лучше других прогнозируют спрос конечных потребителей или других предпринимателей, получают прибыль, а неэффективные прогнозисты несут убытки. Поэтому рынок представляет собой учебный полигон, на котором вознаграждаются и могут расширять свое дело хорошие ученики, т. е. успешные и прозорливые предприниматели, тогда как плохие ученики (неэффективные предприниматели) – выбывают. Как правило, в каждый момент времени лишь некоторые бизнесмены несут убытки, большинство предпринимателей либо ведут дело безубыточно, либо имеют прибыль. Но как тогда можно объяснить это поразительное явление, имеющее место во время кризиса, – внезапное возникновение убытков практически у всех предпринимателей? Иными словами, как проницательные бизнесмены данной страны умудряются совершить все эти ошибки одновременно и почему все это обнаруживается в данный конкретный момент? В этом и состоит самая важная проблема теории цикла.

Ответ, согласно которому всему виной внезапное изменение рыночных условий, не может быть принят в качестве сколько-нибудь состоятельного. Предсказывать будущие изменения – в этом и состоит бизнес предпринимателей. Почему все они одновременно оказываются настолько несостоятельными прогнозистами?

Объяснению подлежит также другое фундаментальное свойство экономического кризиса. Широко известно, что колебания конъюнктуры в отраслях, производящих капитальные блага, сильнее, чем в отраслях, производящих блага потребительские. Отрасли, производящие капитальные блага, в особенности такие как строительство, производство оборудования и добыча сырья, т. е. отрасли, поставляющие продукцию другим отраслям, во время бума расширяются значительно быстрее и более резко и болезненно реагируют на депрессию.

Третьей характерной чертой всякого бума, которую нужно объяснить, является увеличение количества денег, имеющегося в экономике. Во время депрессии, наоборот, типичным (хотя и не универсальным) является уменьшение предложения денег.

1.3. Объяснение: бум и депрессия

На рынке, являющемся полностью свободным от всякого – го вмешательства, упомянутой выше концентрации ошибок существовать не может, поскольку опытные бизнесмены не будут совершать их все вместе и одновременно¹⁸. Цикл, т. е. чередование бумов и кризисов,

¹⁸ Саймон Кузнец цитирует немецкого экономиста Зигфрида Будге (Budge, Siegfried, *Grundzüge der Theoretische Nationalökonomie* [Jena, 1925]): «В условиях свободной конкуренции... [когда] рынок зависит от спроса и предложения, таких диспропорций в сфере производства товаров, которые могли бы распространиться на всю экономику, не возникает. <...> Подобные диспропорции могут появиться, только если возникнет ситуация, когда структура цен не будет основываться только на игре сил свободной конкуренции, так что станет возможным оказание на нее некоторого произвольного влияния» (цит. по: Kuznets, Simon S. "Monetary Business Cycle Theory in Germany," *Journal of Political Economy* [April, 1930]: 127–128). Сам Кузнец критикует австрийскую теорию с позиций характерного для него эмпиризма, отрицая присущий ей причинно-след-

генерируется вмешательством денежной политики в действие рыночных сил, а именно воздействием, оказываемым на участников рынка кредитной экспансией. Представим себе экономику с заданным количеством денег. Некоторая их часть расходуется на потребительские товары, остальное сберегается и инвестируется в развитую капитальную структуру, причем инвестиции распределяются по различным производственным стадиям, различающимся большим или меньшим «расстоянием» от производства конечных потребительских благ (на разные «порядки производства»). Пропорция, в которой люди разделяют свои деньги на потребительские, сберегательные и инвестиционные, определяется *временными предпочтениями* людей, т. е. степенью, в которой они предпочитают немедленное удовлетворение потребностей их удовлетворению в будущем. Чем меньше они предпочитают настоящее, тем ниже будет норма их временного предпочтения и, следовательно, тем ниже будет *естественная процентная ставка* (pure interest rate)¹⁹, складывающаяся в обществе из преобладающих временных предпочтений индивидов. Более низкая естественная процентная ставка будет выражаться в большей доле инвестиций по сравнению с потреблением, в удлинении производственной структуры (т. е. в инвестировании преимущественно в такие стадии производства капитальных благ, которые все дальше и дальше отстоят от производства конечных потребительских благ) и в накоплении капитала. И наоборот, более высокая норма временных предпочтений означает более высокую естественную процентную ставку, что выразится в итоге в более «короткой» производственной структуре (т. е. инвестиции осуществляются преимущественно в производство потребительских благ или благ, наиболее близко расположенных к ним в производственных цепочках). Складывающиеся в итоге *рыночные процентные ставки* включают естественную процентную ставку плюс или минус еще две компоненты, одна из которых отражает предпринимательский риск, а другая – поправку на ожидаемое изменение покупательной способности денег. Различные значения премии за предпринимательский риск порождают структуру процентных ставок, а не одно-единственное значение, а компонента покупательной способности отражает не только изменения покупательной способности доллара, но и конкретную позицию, занимаемую предпринимателем в отношении изменений цен. Решающим фактором, однако, является естественная процентная ставка. Она выражает себя как текущая «норма прибыли». Эта текущая норма прибыли проявляется себя в процентной ставке ссудного рынка, ставке, которая определяется текущей нормой прибыли²⁰.

Что произойдет, если банк напечатает дополнительные деньги (все равно, какой разновидности, в форме банкнот или депозитов) и выдаст ими кредиты бизнесу?²¹ Эти новые деньги придут на ссудный рынок и понизят процентную ставку, по которой выдаются ссуды. Все это выглядит так, *как будто* увеличилось предложение сбережений, обеспечивающее инвестирование свободными средствами, поскольку последствия и того и другого одинаковы: предложение средств для инвестирования очевидным образом увеличилось, а процентные ставки

ственный метод и ошибочно называя эту теорию «статической».

¹⁹ В данном случае слово *pure* в выражении *pure interest rate* следует понимать как «базовая, фундаментальная, определяемая только временными предпочтениями, являющаяся чистым выражением временного предпочтения» и т. п. процентная ставка. Мы выбрали вариант передачи этого понятия с помощью более распространенного в данном контексте выражения «естественная ставка процента» во избежание путаницы, так как термин «чистая» в русском языке неотличим от имеющего другое значение, а именно «приростная», «нетто» (чистый доход, чистая прибыль, чистый прирост запасов и т. п.). – *Прим. науч. ред.*

²⁰ Изложенное выше представляет собой теорию процента, основанную на концепции чистого временного предпочтения, с которой можно ознакомиться по: Mises, Ludwig von, *Human Action* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949) (*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005; см. также: *Он же. Теория экономического цикла*. Челябинск: Социум, 2012), а также по: Fetter, Frank A. *Economic Principles* (New York: Century, 1975) и его же "Interest Theories Old and New," *American Economic Review* (March, 194, pp. 68–92).

²¹ По многим причинам под банками здесь понимаются и ссудосберегательные компании, и компании по страхованию жизни, поскольку и те и другие создают новые деньги посредством кредитной экспансии. См. ниже обсуждение проблем денег и банковской деятельности.

понижились. Короче говоря, бизнесмены введены в заблуждение, – из-за инфляции, которую генерируют банки, они полагают, будто предложение сбережений больше, чем оно есть на самом деле. Когда увеличиваются объемы реально сбереженных средств, бизнесмены инвестируют в «более длительные процессы производства» и структура капитала «удлиняется», а именно капиталообразование идет более интенсивно в «более далеких порядках», т. е. в производстве таких товаров, которые все дальше отстоят от производства потребительских благ. Бизнесмены направляют туда средства, полученные в кредит, т. е. на ссудном рынке, увеличивая тем самым цены на капитальные блага и другие товары производственного назначения, что стимулирует переключение инвестиций с ближних, т. е. близких к потреблению стадий производства к дальним порядкам (дальше отстоящим от потребления), или, иными словами, происходит перераспределение инвестиций от производства потребительских товаров в производство капитальных товаров²².

Если бы этот процесс всегда был следствием фактического уменьшения нормы временного предпочтения и реального увеличения сбережений, дело обстоит бы как нельзя лучше, и новая, удлинившаяся производственная структура могла бы поддерживаться до бесконечности. Однако в действительности указанный сдвиг является результатом банковской кредитной экспансии. Вскоре новые деньги «просочатся вниз» – от заемщиков, представляющих собой фирмы, к доходам держателей факторов производства – к заработной плате, ренте и проценту. Далее, если временные предпочтения не изменились (а у нас нет никаких причин полагать, что они изменились), люди будут стремиться потратить свои дополнительные доходы *в той же пропорции* между потреблением и инвестированием, что и раньше. Другими словами, люди ринутся восстанавливать старую пропорцию, и спрос переключится обратно – от производств и стадий более дальних порядков к потребительским товарам и стадиям, максимально приближенным к производству потребительских товаров. Те, кто инвестировал в отрасли, производящие капитальные блага, обнаружат, что их инвестиции были ошибочными, – они полагали, что эти инвестиции принесут прибыль, но столкнулись с недостаточным спросом со стороны своих потребителей из числа предпринимателей. Более дальние порядки производства окажутся бесполезными, и ошибочные инвестиции необходимо будет ликвидировать.

Согласно самому популярному объяснению, причиной кризиса является «недопотребление», приходящее, в свою очередь, от недостаточного спроса на товары при тех ценах, которые делают прибыльным их производство. Однако это совершенно противоречит широко известному факту – депрессия поражает прежде всего производство *капитальных*, а не потребительских благ. Причиной депрессии является недостаток спроса на блага дальних порядков, который предъявляют *предприниматели*, а не недостаток спроса на предметы потребления, предъявляемого потребителями. При этом падение спроса на капитальные блага вызывается переключением спроса на блага тех уровней, которые соответствуют прежней (т. е. существовавшей до вмешательства банков и инициированной ими кредитной экспансии) пропорции «потребление/ инвестиции».

Итак, бизнесмены были введены в заблуждение кредитной инфляцией, сгенерированной банками, вследствие чего они слишком много инвестировали в «более далекие» стадии, в производство капитальных благ. Теоретически такое инвестирование могло бы приносить устойчивую прибыль на протяжении длительного периода времени, если бы норма временных предпочтений была ниже и соответственно если бы сбережения и инвестиции были больше. Но как только инфляция распространится на широкие народные массы, восстановится старая пропор-

²² О производственной структуре и ее связи с инвестициями и банковским кредитом см.: Hayek, *Prices and Production* (2nd ed., London: Routledge and Kegan Paul, 1935); Mises, *Human Action*; Eugen von Bohm-Bawerk, "Positive Theory of Capital," in *Capital and Interest* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), vol. 2. (Рус. изд.: Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007; Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005; Бём-Баверк О. Позитивная теория капитала // Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 31–572.)

ция «потребление/инвестиции» и обнаружится, что инвестиции в более далекие порядки производства являются бессмысленными²³. Бизнесмены совершили эти ошибки из-за кредитной экспансии и вызываемых ею отклонений процентной ставки от такой, которая установилась бы на свободном рынке.

Таким образом, «бум» фактически представляет собой период, когда осуществляются бессмысленные ошибочные инвестиции. Это время совершения ошибок, являющихся следствием банковского кредита, дезориентирующего рынок. Когда потребители восстанавливают желательную для них пропорцию [между потреблением и инвестированием], происходит «кризис». В этом смысле «депрессия» есть процесс *коррекции ошибок*, т. е. *приспособления* объемов и пропорций, сформировавшихся в период ошибок и расточительных инвестиционных растрат, к экономической реальности, причем сутью такой коррекции является восстановление потока услуг, нужных потребителям, а содержанием процесса приспособления – *ликвидация* бессмысленных инвестиций. Некоторые проекты будут полностью прекращены, а соответствующие объекты заброшены (как это произошло [в Америке] с «городами-призраками», возведенными в ходе бума 1816–1818 гг. и покинутыми жителями во время паники 1819 г.), тогда как другие будут перепрофилированы для иных целей. Всегда торжествует один и тот же принцип: вместо того чтобы оплакивать ошибки прошлого, люди ищут наиболее эффективное применение имеющемуся запасу капитала. Свободный рынок стремится удовлетворять потребности потребителей максимально эффективно, включая и стремление публики относительно соотношения между немедленным и отложенным потреблением. Инфляционный бум сдерживает эту эффективность и искажает производственную структуру, которая более не способна должным образом удовлетворять потребителей. Кризис сигнализирует об окончании периода инфляционных искажений, а депрессия есть процесс, посредством которого экономика возвращается к эффективному обслуживанию потребителей. Самое важное, что нужно подчеркнуть в этой связи, это то, что депрессия представляет собой процесс восстановления, а окончание депрессии знаменует возвращение к нормальному функционированию экономики, работающей с оптимальной эффективностью. Таким образом, депрессия не является зловредным случайным происшествием, это *необходимое* и *целительное* возвращение экономики к норме, ликвидация искажений, созданных бумом. Таким образом, бум с *неизбежностью требует* «краха».

Возникает вопрос, почему, коль скоро для того чтобы новые деньги просочились через предприятия к факторам производства, требуется, очевидно, совсем немного времени, все бумы не заканчиваются так же быстро? Причина этого состоит в том, что «на помощь делу продления бума» приходят банки. Фирмы-заемщики [производящие капитальные товары], конкурируя за факторы производства с фирмами, производящими потребительские товары, столкнувшись с ростом издержек и нехваткой денежных средств, опять обращаются к банкам за кредитами. Банки могут поддержать своих заемщиков на плаву, если опять увеличат кредит, продолжив кредитную экспансию. В фирмы-должники будут закачаны новые порции дополнительных денег, и эти фирмы опять окажутся в состоянии переманивать факторы производства из отраслей, производящих потребительские товары. В гонке зарплат постоянно поддерживаемая банками кредитная экспансия всегда будет предоставлять фирмам-заемщикам возможность на шаг опережать отрасли, производящие потребительские товары. Но, как было показано выше, суть кризиса и депрессии и состоит в том, что это время, когда потребители восстанавливают эффективность экономики, а генерирование искажений, привнесенных бумом, прекращается. Очевидно, что чем больше масштаб кредитной экспансии и чем дольше она продолжается, тем дольше продолжается бум. Бум закончится, как только прекра-

---

²³ Под инфляцией здесь понимается *увеличение предложения денег, не соответствующее увеличению количества денежного металла*.

тится банковская кредитная экспансия. Понятно, что чем дольше длится бум, тем более нелепы инвестиционные ошибки, совершаемые предпринимателями, тем дольше и глубже в период депрессии будет проходить неотвратимая коррекция.

Итак, банковская кредитная экспансия запускает экономический цикл, со всеми его фазами: вначале имеет место инфляционный бум с характерным для него расширением предложения денег и ошибочными инвестициями, затем идет кризис, наступающий тогда, когда кредитная экспансия прекращается и ошибочность инвестиций становится очевидной, после чего начинается восстановление экономического роста в ходе депрессии, представляющей собой необходимый процесс коррекции, посредством которого экономика возвращается к наиболее эффективным способам удовлетворения желаний потребителя²⁴.

Каковы специфические черты этой последней фазы – восстановления в период депрессии? Как уже было сказано, инвестиционные проекты, ошибочность которых скрывал бум, должны быть либо брошены, либо перепрофилированы – с тем чтобы созданные капитальные блага использовались наиболее эффективным в новых условиях способом. Надувшиеся в период бума неэффективные фирмы должны быть ликвидированы, а их долги должны быть уценены или списаны кредиторами. Цены на производственные блага должны упасть, в особенности в тех отраслях, которые дальше отстоят от производства потребительских благ, т. е. упадут цены на капитальные блага и землю, а также ставки заработной платы. Если для бума было характерно падение процентных ставок, т. е. сокращение ценового дифференциала между стадиями производства («естественная ставка», или текущая норма прибыли), а также падение ставок по ссудам, то во время депрессии-восстановления эти процентные ценовые дифференциалы вырастут. На практике это означает падение цен в отраслях, производящих блага дальних [более «высоких» по терминологии К. Менгера] порядков, по сравнению с ценами на продукцию отраслей, производящих потребительские блага. Должны будут упасть не только цены на производственное строительство и оборудование, но и цены на целые классы капитальных благ, такие, например, как цены инструментов фондового рынка и цены на недвижимость. Причем рыночная ценность этих активов должна будет упасть в большей степени, чем получаемые с них доходы, отражая общее повышение ставок процентного дохода.

Поскольку факторы производства должны будут переключиться из отраслей дальних порядков в отрасли, более близкие к производству потребительских благ (включая само их производство), во время депрессии неизбежно возникает фрикционная безработица, однако ее размеры не обязательно будут превышать размеры безработицы, которая сопровождает любой другой масштабный сдвиг в структуре производства. На практике безработица усугубляется повсеместными банкротствами и значительным числом и масштабами ошибок инвестирования, однако по необходимости она будет существовать лишь временно. Чем быстрее будет происходить коррекция и приспособление к новым пропорциям, тем более преходящим явлением будет безработица. Безработица увеличится сверх фрикционной и станет длительной («застойной») только в том случае, если ставкам заработной платы будут не давать упасть, поддерживая их искусственно. Если ставки заработной платы постоянно поддерживаются выше уровня свободного рынка, на котором предложение труда и спрос на труд уравниваются, то работники останутся безработными навсегда. Безработица будет тем выше, чем больше будет указанное несоответствие.

²⁴ Теория цикла австрийской школы разрешила старый спор о том, могут ли изменения количества денег воздействовать на процентную ставку. Австрийская теория признает верной «современную» доктрину, согласно которой увеличение количества денег понижает процентную ставку (если дополнительные деньги вначале попадают на рынок ссуд). С другой стороны, с точки зрения австрийской теории верным является и положение классической теории, согласно которому в долгосрочном периоде количество денег не влияет на процентную ставку (или, точнее, может влиять на нее, только если изменяются временные предпочтения). В сущности, коррекция структуры экономики в период депрессии представляет собой возврат к процентной ставке, наиболее желательной для участников рынка.

1.4. Вторичные свойства депрессии: дефляционное сжатие кредита

Перечисленные выше черты депрессии являются ее главными свойствами. Можно рассмотреть также и иные ее свойства, а именно вторичные. Например, депрессия не обязательно сопровождается *дефляцией* (уменьшением денежного предложения). Фаза депрессии начинается с прекращения инфляции и может протекать при отсутствии последующих изменений, причины которых лежат на стороне денег. Однако на практике депрессии почти всегда сопутствует дефляция. Напомним, что инфляция была запущена банковским кредитом. Теперь финансовые трудности и банкротства заемщиков заставляют банки пойти на попятный и сократить кредитование²⁵. При золотом стандарте у банков есть и другая причина для сокращения кредита – они прекращают инфляцию, видя в этом средство остановить отток золота за границу. Сокращение объема выданных банками ссуд происходит из-за их опасения подобной утечки. Более того, эпидемия банкротств среди фирм нефинансового сектора начинает представлять проблему и для самих банков – будучи и так неявными банкротами, банки плохо справляются с подобными затруднениями²⁶. Следовательно, предложение денег сократится из-за того, что потенциальные набеги на банки начнут происходить фактически, а также из-за того, что банки будут ужесточать кредитование, опасаясь этих набегов.

Другое часто встречающееся вторичное свойство депрессии – *увеличение спроса на деньги*. Эта «борьба за ликвидность» представляет собой результат действия нескольких факторов. Во-первых, ожидая, что из-за депрессии и дефляции цены будут падать, люди будут держать больше наличности и тратить меньше денег на покупку товаров, стремясь дождаться времени, когда цены снизятся. Во-вторых, заемщики будут пытаться погасить свою задолженность по требованию банков и своих коммерческих (небанковских) кредиторов, пытаясь поскорее ликвидировать свои неденежные активы (т. е. пытаясь поскорее продать их за деньги). В-третьих, эпидемия убытков и банкротств сделает бизнесменов более осторожными при инвестировании на период, пока процесс ликвидации ошибочных инвестиций не завершится.

Еще одну характерную черту большинства депрессий образует *общее падение цен* вследствие уменьшения предложения денег и увеличения спроса на них. Однако общее падение цен вызывается не сущностными свойствами депрессии, а вторичными. Практически все экономисты-теоретики, даже те, кто понимает, что происходящая во время депрессии коррекция должна протекать максимально свободно, имеют весьма смутные представления о вторичной природе дефляции и общего падения цен, полагая, в частности, что эти явления без нужды

²⁵ Часто утверждается, что так как во время депрессии фирмы имеют мало возможностей для прибыльных операций, спрос на ссуды с их стороны падает и что это и является причиной сокращения ссуд и денежного предложения. Однако этот аргумент игнорирует тот факт, что банки, если им будет это нужно, могут приобретать ценные бумаги, тем самым поддерживая денежное предложение посредством увеличения своих инвестиций, которые будут компенсировать сокращение ссуд. Таким образом, давление, порожденное сжатием кредита, всегда имеет своей причиной поведение банков, а не заемщиков нефинансового сектора.

²⁶ Банки являются «скрытыми банкротами», поскольку они эмитировали намного больше складских расписок на наличность (сегодня это делается в форме создания «депозитов», с которых наличность выдается по первому требованию), чем имеется у них фактических остатков наличности. Следовательно, банки постоянно уязвимы для набега вкладчиков. Эти набеги отличаются от обычных крахов деловых предприятий, так как их совершают владельцы депозитов, требующие возврата законно принадлежащей им собственности, которой банки не располагают. Таким образом, ситуация «скрытого банкротства» является непрямым свойством любой банковской системы, функционирующей на началах «частичного резервирования». Как указывал Фрэнк Грэхем: «Попытка банков достичь внутренне противоречивых целей при ссудах наличных, т. е. просто умножения количества требований на наличные деньги, когда они делают вид, что располагают наличностью, которую можно получить по первому запросу, является еще более нелепой, чем... если бы некто съел пирог и одновременно рассчитывал на его наличие, имея в виду будущее потребление. <...> Провозглашение гарантированной конвертируемости [требований в деньги] есть обман, основанный на убежденности публики в том, что права [вкладчиков] не будут нарушены» (Frank D. Graham, "Partial Reserve Money and the 100 % Proposal," *American Economic Review* [September, 1936]: 436).

увеличивают остроту и глубину депрессии. Такая точка зрения ошибочна. Эти процессы не только не увеличивают тягот депрессии, они имеют позитивный и целительный эффект.

Так, не существует никаких оснований для чрезвычайно широко распространенного враждебного отношения к такому явлению, как «тезаврирование» (hoarding). Прежде всего, не существует никакого объективного критерия для определения тезаврирования. В сухом остатке всех обвинений неизменно остается одно и то же: субъект *A* полагает, что субъект *B* держит остатки наличности в размерах больших, чем, по мнению субъекта *A*, подобает субъекту *B*. Разумеется, никакого объективного критерия, на основе которого можно было бы решить, какое увеличение остатков наличности является «тезаврированием», а какое нет, не существует. Во-вторых, как было показано выше, спрос на деньги увеличивается в результате определенных потребностей, имеющихся у людей, и определенных ценностей, разделяемых ими, – в частности, в период депрессии свое воздействие оказывают опасения ликвидации бизнеса и ожидания снижения цен. На каких основаниях эти ожидания могут быть отнесены к «неоправданным»? Падение общего уровня цен представляет собой тот способ, посредством которого может быть удовлетворен возросший спрос на деньги, поскольку более низкие цены означают, что те же остатки наличности теперь обладают более высокой эффективностью, наделяя своих владельцев большей «реальной» способностью приобретать товары и услуги. Иначе говоря, теперь, в условиях понизившихся цен, стремление к увеличению реальных денежных остатков будет удовлетворено при прежнем уровне номинальных остатков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.